Комэск-13. Книга 2. Лейтенант

Автор:
Дмитрий Рус

Комэск-13. Книга 2. Лейтенант

Дмитрий Рус

Комэск-13 #2Космос Online

Время безжалостно. Израненный крейсер «Марат» медленно валится в гравитационный колодец Нового Севастополя. В отсеках обреченного корабля – сотни разумных. У них нет времени на ремонт – на потемневших от ржавчины палубах идет яростная схватка. Люди увлеченно режут друг друга!

Робинзоны замкнутого стального мира. Нет закона, нет смерти, нет будущего.

Павел возглавляет один из векторов сил – «Соединение 13-7». Ноша командира тяжела, а в спину непрерывно давят задумчивые взгляды. Так ли уж силен наш комэск? Почему у него лучшая экипировка, самая красивая женщина и отдельная каюта? Не пора ли испытать его на прочность?

Дмитрий Рус

Комэск-13. Книга 2. Лейтенант

Глава 1

– Бой!

Полупрозрачная глифа «масс-атаки» ярко сверкнула и стремительно переместилась в угол тактического монитора, укладываясь в развернутый веер колоды «текущих задач». По разуму стегнул вбитый пси-гипнозом резкий звуковой сигнал: «Алерт-красный!»

Мнемонический якорь сработал как надо – тело рывком перешло в состояние ограниченного боевого ража.

Прыгнуло давление, накачивая мозг и мышцы кровью, мехами загудели легкие – спешно прогоняя через себя кубометры бедного на кислород воздуха.

Не доверяя уязвимой плоти, засуетился имплант. Подсоединенные к нервным узлам тончайшие платиновые электроды заискрили ложными сигналами.

Надпочечникам – еще адреналина! Системе пищеварения – полный стоп! Перистальтике ЖКТ – отключение! Предотвращаем захлест кишечных петель при неизбежных резких движениях гиперскоростного боя.

Тело прошибает холодным потом, а имплант продолжает генерировать нейроимпульсы. Поверхностное кровообращение – на минимум! Сосуды периферийных участков тела – максимальное сужение – нам не нужна лишняя кровопотеря в случае ран! Сосуды в мышцах – на максимальный просвет!

Слюнные и слезные железы – блокировка! Расширение зрачков и активация туннельного зрения – режим хищника! Потоотделение – на пик возможностей. Перегрев тела смертельно опасен!

Много чего скрывается за тривиальной адреналиновой атакой. Природа почти совершенна, и мы лишь слегка ей помогаем, вручную запуская древний механизм «бей или беги».

Подчиняюсь едва заметному «вектору атаки».

Имплант «Альфа-прим» уже прижился на три четверти и больше не давит на глазные нервы грубо отрисованными стрелками. Теперь он манипулирует более сложными чувствами. «Эффект кивка» – меня просто клонит в нужную сторону, словно при маневрах малого корабля вокруг источника гравитационного

искажения.

Мое подчинение – довольно условно. Право принятия окончательного решения и отдачи приоритетного приказа – по-прежнему за мной. Первое – как за бойцом линии, второе – согласно табели о рангах. Старший лейтенант в соединении «13-7» – всего один. И это я. Комэск Павел Счастливчик, будь неладна леди Корнелия с ее ущербным чувством юмора.

Однако на конфликт с ИскИном-тактиком я не иду, придерживаясь утвержденного ранее узора боя. У «Кутузова» за плечами тысячи реальных сражений и миллионы смоделированных рэндомом виртуальных схваток…

Шлем моего БКС не имеет уязвимых щелей внешнего обзора. Для того чтобы понять почему – достаточно сравнить индекс бронирования лучшего сапфирового стекла корпорации «Гжель Армс» – с многослойным бутербродом модульной брони скафандра! Да и нет смысла пялиться в окошко скафандра – имплант и так подаст на глазной нерв идеальную картинку происходящего, на лету дополненную важной тактической информацией.

Так и сейчас – вместо ослепительных вспышек интерфейс разразился лишь синими росчерками трассеров и точечными маркерами попаданий.

Контакт!!!

Стена силового щита легкого «Питбуля», цокающего впереди отряда, полыхнула и забилась крупной дрожью.

– Высокотемпературная плазма… Огонь в два ствола… Силы противника – один ксеноразумный. Судя по мощности плазменного жгута – ветеран. Достоверность прогноза – 74 %…77 %…76 %…

Последняя цифра плавает, но имплант старается, как может, считывая инфу с десятков датчиков и сенсоров, в том числе внимательно прислушиваясь к ментальному эху в моей голове. Техническое устройство уже давно смирилось с тем, что его носитель обладает «пси-потенциалом неясной природы».

«Питбуль» присел на задние конечности – давление плазмы велико, равно как и отдача от синхронного пуска полного пакета ГСР. Ксеноразумные уже научили себя уважать – уничтожить даже одного «виспа», а уж тем более – взрослую боевую особь в статусе ветерана – более чем непросто.

Драгоценный БК приходится сливать с невероятной скоростью. Впрочем, причина данного залпа более тривиальна – бот просчитал время своего функционирования в текущем замесе и стремится распорядиться им с максимальной пользой.

Тревожный писк алерта повалил нас на землю – щит полыхнул в последний раз и схлопнулся. Бот хаотично заметался в узком чреве служебного туннеля, выигрывая миллисекунды и полосуя пространство на пике работоспособности систем вооружения.

Броня пехотного дрона текла, движения становились все более заторможенными. Казалось, что маневры уклонения абсолютно не уменьшили точность огня виспа.

Мое залегшее звено укуталось коконами персональных щитов и азартно лупило в непроницаемое облако дыма и пыли. Система внешнего целенаведения отрабатывала щедро скармливаемые ей киловатты энергии и гигабайты инфопотока.

Смутный контур фигуры ксеноразумного постепенно наливался желтым – тактический монитор обсчитывал «условно успешные» попадания и пытался предсказать уровень жизнеспособности вет-виспа.

Я недоверчиво скривил губы – теория, одна лишь голая теория… Кинетическое оружие почти бессильно против энергетической формы жизни. Структуры связывающих полей оно все ж таки нарушает – но урон от одиночных попаданий – мизерный.

Лазер и плазму висп счастливо поглощает, едва ли не урча от удовольствия. Наша задача – закормить его до смерти, превысив порог насыщения инопланетной твари.

– Бум! Бум! Бум! – часто захлопали подствольники ИМПов, засеивая пространство плазменными гранатами малого калибра.

Вот это уже более или менее действенно, жаль только боеприпасов к «Факелу-12» у нас до обидного мало. Таких богатых складов, как на Арсенальной палубе, нам давно не попадалось, одни лишь жалкие закладки диких складов.

«Питбуль» сдох прямо посреди очередного сумасшедшего прыжка – с боковой стены на потолок, откуда и рухнул с оглушительным грохотом. В категорию «легких» бот вписался с трудом, исключительно благодаря довольно жалкому весу общего залпа. В целом же – полторы тонны морф-стали и модерновых композитов вполне укладывались в параметры средних средств пехотной поддержки.

Ротор примитивного шестиствольного пулемета все еще крутился на холостых оборотах, автоматическая система подачи БК торопливо перезаряжала лаунчер гиперскоростных ракет, однако какой-то из системообразующих модулей дрона оказался критически поврежден – оплывший под воздействием высоких температур кибер превратился в пышущую жаром и фонящую радиацией баррикаду.

Между телами вжавшихся в палубу бойцов замелькали смазанные силуэты мобильных мин. Их покрытие типа «стелс-хамелеон» гарантировало довольно высокие шансы на поражение захваченной сенсорами цели. Особенно в случае применения согласно уставу – «полным кластером минной стаи по мишени класса «Д» и ниже. В случае если мишень определяется как «Д+», использование м-мин – экономически неоправданно».

Однако убить виспа, особенно если он этому активно противится, бесконечно сложно. Ксеноразумный ушел в глухую оборону, снизив мощность плазменных разрядов, но при этом значительно повысив скорострельность.

Захлопали приглушенные скафом эха подрывов. Мины срабатывали на предельных дистанциях, стремясь зацепить виспа поражающим ядром направленного заряда.

– Бой!!!

Приказ «Кутузова» срывает нас с места, бросая в рэндом ближнего боя. Модуль активной постановки помех звенит от натуги, зашумляя все доступные диапазоны сканирования, наведения и обнаружения.

Огонь!

Штурмовой комплекс в моих руках лягается мощной отдачей. Калибр пакетного дробовика ужасает, а дополнительные ускорители умных снарядов отсушивают руки.

Бум! Бум! Бум!

БКС частично компенсирует отдачу, однако я не тяжелый пехотинец и не боец контрабордажной команды, способный стоять в проходе шлюза как осадная башня. На мне лишь средний скаф, не очень-то подходящий для текущей плотности боя.

Противолазерное покрытие почернело и покрылось оспинами от тысяч осколков. Керамическая броня осыпается трухой, не выдерживая симбиоза высоких температур и кинетических ударов. Эффектор персонального щита давно перегружен, ребра радиаторов на плечах потрескивают, не успевая сбрасывать накопившееся тепло.

Бой!

С потолка на противника рушится мелкий «Клоп», незаметно проскользнувший среди хаоса всеобщего замеса. Копеечный и примитивный дрон мгновенно опорожняет экранированные емкости, исторгая из себя липкую смесь – органическая кислота, палитра синтезированных ядов и бог весть что еще.

Вот теперь виспа проняло. Сокрушающий разум инфразвуковой рев мгновенно отсекается электроникой скафа. Огонь ксеноразумного утих, гуманоидная фигура закрутилась на месте, роняя кляксы энергоплоти. «Кутузов» оперативно анализирует полученный эффект и выдает рабочую версию – сложная органика нарушает тонкие связи неизвестных нам полей, образующих физическое тело чужого.

– Еще «Клопов»! – Это уже я вмешиваюсь в оперативный канал. – Экономить БК!

Приказ не праздный. Цифры расхода высокотехнологичных боеприпасов ужасают, а невосполнимые потери среди средств пехотной поддержки – вызывают желание рвать на себе волосы и выть в голос.

Что люди?.. Люди – воскреснут. Вон – до неприличия дерзкая группа тяжей «Браво» – уже пошла на четвертый круг перерождения. Парни Мурома столкнулись с полноценной боевой тройкой виспов. Раздавить их штатными средствами взвода – почти нереально. Очень уж филигранно оперируют ксеноразумные потоками сложных энергий.

Щиты – точечные, векторные, многослойные, стационарные… Любой каприз фантазии!

Плазменные хлысты и многочисленные скорострелки. Одиночные высокотемпературные кляксы внушающих калибров – вплоть до сотни граммов ионизированного газа в одном залпе. А ведь таким можно насквозь прожечь тяжелую робоплатформу класса «Зубр». От хищного скоса лобовой брони до кормовых люков опционального десанта.

Кстати, о воскрешении. Несмотря на заявленную реальность происходящего, в которую, впрочем, поверили не все, смерть так и не стала необратимым явлением. Бойцы по-прежнему воскресают согласно личному таймеру, все так же вздрагивая от полустертых воспоминаний о муках Чистилища.

Однако коды аварийного выхода из виртполигона не работают, а командирские запросы в административный канал остаются без ответа. Худо-бедно отвечает лишь один из вторичных потоков Ганнибала, изредка балуя нас разными инфопакетами, не включенными в стандартный набор импланта.

Список широк: скрипты профессий, необходимых для овладения крейсером, базы данных по противникам и редким системам вооружения, тактические архивы для офицеров уровней «рота – батальон – полк»…

Девчата пси-снайперши, в присутствии сильного мужского плеча вновь обретшие былую нирвану разума, отнеслись ко всему довольно философски. Курсантки пожимали плечами, считая происходящее лишь частью учебной

программы. Как вариант: работа в глубокой автономке, либо психологический стресс-тест на излом. Ведь ходили же слухи, что старшие курсы и определенные виды войск проходят обкатку в реале. Но для седьмого года обучения это откровенно рановато, чего уж говорить о таких зеленых, хотя очень даже привлекательных самцах – как мы…

М-да… Амазонки они и есть амазонки. Не переучить их за пару недель…

– Подтверждение зачистки сектора Q-15. Выдвигайтесь на помощь группе «Рокот». Скрипт-план передан локальной так-сети.

Сбрасываю в ответ глифу «Роджер», заодно качаю головой при сравнении колод боевых потерь. Соотношение союзных и вражеских инфокарт далеко не в нашу пользу. По обилию пущенной нам крови – драка за Реакторный отсек уже вошла в топ-тройку наиболее жестоких замесов. Ксеноразумные оказались серьезным противником. И главное – очень неудобным…

Мчимся по коридорам, срезая путь по уже зачищенным участкам. «Кутузов» торопится, и навигатор гонит нас рискованно – иногда прямо за спинами у ведущих огонь отрядов. Повсюду следы яростных схваток и картины безумного, до самопожертвования, боя.

Вот у развороченного шлюза импровизированная баррикада из сплетенных в единый комок тел, за которой укрылся пышущий жаром станковый ИМП. На месте оператора импульсника хрупкая одинокая фигурка. На мгновенье она оборачивается, и я узнаю Нику – нашего бот-мастера. В глазах девушки – надежда и злые слезы.

Ловлю ее взгляд и отрицательно качаю головой. Прости, Ника, мы не к тебе. Держись. Быть может, не так уж все плохо на твоем участке? Либо спешит уже где-то подкрепление, грохоча по палубе бронированными подошвами БКС?

Хотя скорее всего у Ники просто слишком низкий счетчик смертей. ИскИн вполне способен разменять очередную пешку на тактический успех. Тем более что пешка практически вечная. Вот и оставляет искусственный разум хлипкие заслоны там, где это только возможно, и бросает высвободившиеся силы на наиболее перспективное направление. Гребаная математика войны…

Имплант оценивает поле боя, шустро подписывая тела, маркируя боевые единицы и отрисовывая статус-полоски: хиты, уровень морали, боеспособность, наличный БК…

Вот теперь картина выглядит более полной. Становится понятной не только надежда во взгляде, но и причина слез девушки.

В основании баррикады лежал расписанный под хохлому кибер – любимый бот Ники и ее личный телохранитель.

«Хохол» прошел с нами через сотню палуб, дважды сменил тело, но вот сейчас – окончательно нарвался. Телеметрия выдает бордовый статус: «KIA» – кристалл ИИ необратимо поврежден. Дамп его памяти у нас имеется, но это не более чем база данных. Носитель личности искусственного разума – уничтожен.

Рядом, в окружении пустых коробов к импульснику, покоились еще три тела-близнеца – второго номера расчета станкача. Имплант безэмоционально подсказывает – это Николай, постоянный партнер Ники, тоже бот-мастер.

Только вот закончились у нас штурмботы, некем стало рулить, и драгоценные технари-интеллектуалы заняли место в линии непосредственного боестолкновения.

У парня явно неудачный день – он трижды умудрился умереть на крохотном пятачке диаметром в десяток шагов. Наверняка геройствовал, прикрывая подругу.

Тела в разной степени экспресс-разложения – присутствующая в каждом из нас фабрика нанитов преданно выполняет программу дезинтеграции – в случае смерти носителя труп не должен достаться врагу.

Кстати, в реальности двадцать восьмого века – все происходит точно так же. Странное, по началу, разложение тел – не служит доказательством виртуальности окружающего пространства. Рядовая процедура безопасности – зачистка инфоносителя и исключение технологических артефактов из списка потенциальных трофеев противника.

Мчимся дальше. Бегущий впереди Макарка неожиданно вскидывает руку и разряжает электрошокер в дрона-неудачника, на свою беду выглянувшего из служебного туннеля. Не сбавляя хода, парень на мгновение пригибается, пришлепывая на его корпус ремонтника хак-чип. Если все пройдет удачно, то через четверть часа отформатированный дрон сам приковыляет в наши конюшни.

Макарка поворачивается ко мне и старательно корчит виноватое лицо, резко контрастирующее со смеющимися глазами. Знает, чертяка, как жестко я реагирую на любое отвлечение в боевой обстановке. Сделать выговор не успеваю – парень выгреб свой резерв удачи и сука-статистика расставляет все по своим местам.

Сенсоры его БКС что-то засекли, удивленно-испуганное лицо парня вытягивается, однако отреагировать отвлекшийся боец уже не успевает – тонкая спица сверхсжатой плазмы вспыхивает на полутораметровой высоте, перечеркивая коридор и срезая дурную голову вместе со шлемом.

Твою же мать!

– Уборщика! – разъяренно ору в микрофон и сбрасываю с наспинного крепления последний контейнер с роботурелью.

По-хорошему, охранять драгоценный бронескафандр должна как минимум пара бойцов. Ценность такой экипировки в недрах ушатанного крейсера – зашкаливает. Однако резервов у меня нет. Остается лишь надеяться, что автоматическая спарка сможет отогнать жадного ниндзя-лутера. Всего-то и надо продержаться с полчаса! А затем до тела доберется Эвакуатор, он же на отрядном сленге – «уборщик». Упрячет ништяки в стальное бронированное нутро и доставит на склад, где его уже будет ждать воскресший боец.

Искать другие ловушки – бесполезно. Во-первых, до момента активации – хрен ты их обнаружишь. Виспы филигранно умеют капсулировать малые объемы пространства и материи. Во-вторых, печальный опыт подсказывает – ловушки стоят поодиночке. Видать, не такое это простое дело – удерживать в параллельном измерении мегаватты энергии.

Усеченным составом добираемся до обозначенной ИскИном точки на карте. Макарку ждать не стали – ему до респауна еще минут двадцать, плюс столько же – для того чтобы сюда добраться. Очень уж тщательно упрятано в недрах крейсера сердце нашего соединения – зал Анабиоза.

Хорошо хоть учебная система РИ не наказывает рублем за смерти в период первого года обучения. В отличие от амазонок. Ситуация в Пятом Риме – это частная инициатива на местах. Рациональные потомки европейцев решили изящно вильнуть хвостом и слегка подкрутить алгоритмы.

Впрочем, навешенный на курсанта долг в чем-то даже условен. Пока ты служишь – никто о нем не вспоминает. Но вот стоит тебе изъявить желание покинуть ряды доблестных вооруженных сил… Лучше и не пытаться! Теперь ты в армии, сынок! Навсегда…

Оглядываюсь.

Ого, а ведь сил-то скопилось – изрядно! Надо понимать, что резервов у нас больше нет? Вон даже валяются вдоль стен постанывающие и скрученные посмертным дебафом бойцы. Рановато им еще в бой. По-хорошему, им бы отлежаться под капельницей пару часиков, либо просто хорошенько поспать…

Но нет, на прорыв подняли всех, включая сирых да убогих. Есть у нас и такие экземпляры – как свои, так и принятые с последним пополнением.

«Кутузову» явно надоело сжигать ресурсы в яростных схватках по всей линии соприкосновения. ИскИн наконец-то посчитал, что достаточно раздергал жидкие силы обороняющихся, и решил перейти ко второй стадии гусарских забав – драке в полную силу.

Наша ставка – на резкий нокаутирующий удар на узком участке фронта.

– Тяжи – бой!

Воины в тяжелых БКС дружно вышли из-под зонтика драгоценного стелс-генератора и открыли огонь в сторону прикрытой многослойным щитом баррикады виспов. Парадный вход в Реакторный Зал, наиболее укрепленная

точка обороны.

Однако при плотности огня в тридцать стволов ротного калибра на десятиметровое сечение коридора не приходится говорить о шансах на прорыв обороны. Обсуждаемы лишь время и глубина прорыва.

Ограниченное пространство быстро заволокло пороховым дымом. Управляющий БКСом псевдоинтеллект подчистил картинку, вытягивая изображение при помощи программных фильтров и камер альтернативных спектров светового диапазона.

Тактический модуль давно просчитал сигнатуру щита виспов и вынес рекомендацию к действию: «подавление при помощи кинетического оружия с максимальной дульной энергией снаряда».

Вот и жгут наши бойцы архаичные пороховые боеприпасы, найденные в немереных количествах вместе с древними роторными пулеметами. Только боги да канувший в Лету старпом «Марата» могли бы ответить – откуда они взялись на складах крейсера. Скорее всего шестиствольные скорострелки были затрофеены у контрабандистов, пытающихся проскочить карантинный рубеж одной из планет-изгоев.

Империя не тянула в свои ряды насильно, но оставляла за собой право защищаться от гнили тирании, сектантства, демократии-модерн и прочих видов социального разложения.

Зараженные системы блокировались многослойными минными объемами и укутывались сетью патрульных крейсеров. До полного оздоровления умов и смены прокаженных поколений. «Метод Моисея» – сорок лет кругами водившего свой народ по пустыне, дабы умерло поколение беглых рабов и успело вырасти новое – свободное и злое до драки.

Щиты схлопываются один за другим – гасить мегаджоульную энергетику густых очередей вольфрамовых снарядов – очень непросто. Пятнадцать секунд непрерывного огня опустошают массивные ранцы боекомплекта. Последние очереди наиболее эффектны – ленты набиты по схеме «трассеры, за полста до конца».

Огненные струи рвут сталь баррикады, наполняя пространство визгом рикошетов и красочным фейерверком искр.

Тяжи синхронно опускают миниганы и пятятся назад – к станции перезарядки. На все еще вращающихся пакетах стволов пузырится и испаряется хладагент.

В регулярной армии за каждым бойцом закреплен сервисный дрон, меняющий короба БК, пополняющий текущие расходники и ведущий полевой ремонт.

Мы таким богатством не располагаем. Единственный «Мультитул» из нашего хозяйства был передан Макарке и теперь непрерывно крутил гайки на базе, восстанавливая битое оборудование и собирая нечто юзабельное из кучи стаскиваемого хлама…

Вперед выдвигаются операторы систем тяжелого вооружения – боги войны и рыцари крупных калибров. По палубе скрипят поставленные на колеса стационарные лаунчеры ГСС. Сверкает инеем широкофокусный фростер, способный порвать кристаллическую связь дюймового бронелиста на дистанции в полсотни шагов. Пахнет горячим маслом наша гордость – очетверенная зенитка, некогда бывшая частью кластера внешнего ПКО. Вес секундного залпа – три кило углеродистой стали, разогнанной до скорости в десять Махов!

Одна беда – БК к ней – мышь насцала. Только то, что удалось выцарапать из конвейера боепитания, чудом сохранившегося в куске внешней брони. Какая сила вдавила его на сотню метров в глубь внутренних палуб – оставалось только догадываться.

– Шок и трепет! – довольно жмурясь, прошептала стоящая рядом Лина.

Я согласно кивнул.

Сконцентрировав усилия и сняв ограничение на расход боеприпасов, мы способны просверлить внутри крейсера новые коридоры и пройти его насквозь. Причем туда и обратно. Назад – с ништяками и лутом. Мои парни и девчата уже знатно обросли барахлом и приобрели характерный оценивающий прищур мародеров.

Что поделать – бедность, тяжелое детство…

Ведь совсем недавно у нас были только заточки из сколов брони и одна рубаха на троих. Вот и хомячат бойцы, дотягиваясь до всего, чего можно, нельзя, а то и вовсе – не реально дотянуться.

Амазонки поначалу морщились, а затем и сами вошли во вкус. Теперь, выдвигаясь на новое место дислокации, колонна соединения больше походит на торговый караван. Мощное охранение, дозоры, системы подавления, а также тюки, контейнеры и роботележки, в самом широком и пугающем ассортименте…

Крейсер огромен и непредсказуем, а задача по его полной зачистке – высокоприоритетна и жестко лимитирована по срокам. Вот и приходится все свое носить с собой.

Кстати – текущий бой один из последних. Периферийные секторы корабля уже очищены, и мы все туже сжимаем спираль движения, выдавливая противников к центральной оси «Марата».

Да, загонять крыс в угол – не лучшая идея. Но и дать им разбежаться по щелям, зализать раны и позволить партизанить на коммуникациях – мы не можем.

Дремлющие системы защиты виспов активировались в самый неудобный момент – когда отходящая волна тяжей на секунду смешалась с рядами выдвигающихся на позиции «артиллеристов».

Реальность облегченно застонала, разглаживая закапсулированные складки и наполняя коридор густой сетью плазменных дуг. Вспыхнули и погасли фланговые щиты, генераторы полей мгновенно раскалились и густо задымили батарейными блоками. Личная защита продержалась не дольше – ну не рассчитана она на температуру солнечной короны!

И все-таки основной удар пришелся не по людям. Виспы научились нас различать и смогли понять главное – теплокровные условно бессмертны. Убей его здесь и сейчас – получишь лишь локальное преимущество. Минут на пять, ага. Ну ладно, если повезет – то на час-другой.

А вот техника – невосполнима.

Исчеркавшие пространство плазменные жгуты хлестали по системам вооружений, выжигая тонкую электронику, срезая хрупкие щупы стволов и переполняя запас прочности БКС.

– Чешуя! – проорал я по аларм-каналу, дублируя подсказку тактического модуля.

В предплечье впилась игла инъектора – имплант посчитал нужным подхлестнуть тело стимуляторами. Планка сознания мгновенно просела, рокочущая в ушах «песня боя» взвинтила темп.

Счастье схватки рвет оковы рефлексии. Под коктейлем «Берсерк-12» даже заяц способен плюнуть волку в морду.

Следует признать – что некрупному волку. Инстинкт самосохранения не заблокирован, лишь немного приглушен. Для миссий-камикадзе существуют другие, более действенные смеси. И не желаю я вам ощутить их бурленье у себя в венах! Блаженство и полное осознание смысла бытия настолько велики, что уже после второй дозы бойца направляют на годовую реабилитацию, где его осторожно проводят по всей линейке наркоты – от самой тяжелой до условно-легкой. А затем выписывают, с пожизненным льготным рецептом в бронированные армейские аптекоматы, имеющие яркую голубую наклейку: «Пси» и алую: «Опасность! Автомат наделен правом на превентивную оборону!»

Трясу головой, избавляясь от лишних мыслей. Рвусь по кратчайшему вектору согласно указке импланта. Занимаю подсвеченную интерфейсом позицию, даю «добро» на внешнее управление силовым полем БКС.

Со всех сторон сбегаются бойцы, формируя плотный многоугольник защитного построения. Теперь скафандру нет нужды оберегать оператора монолитной сферой силового щита. Достаточно лишь развернуть узкий лепесток и прикрыть свой сектор ответственности. Прочность купола возрастает на порядок.

ИИ-тактик работает безупречно. Мощность щита вариативна, с уплотнениями в потенциально уязвимых точках. Второй слой резервных лепестков мечется под куполом, готовясь прикрыть пробитые сегменты.

Время от времени переливающаяся полусфера выбрасывает радужные протуберанцы, прикрывая всех, до кого только может дотянуться. Отставших или раненых бойцов, наиболее ценные экземпляры вооружений и стального жука мобильного пункта боепитания.

Однако спасти удается далеко не все. Мы фактически оказались внутри разъяренной шаровой молнии! Разряды статики трещат на всех каналах. Голубые искры то и дело прыгают от стен к хаосу разбросанной экипировки, а оттуда – к скорчившимся на палубе фигурам. Плазма обманчиво-ласково трется раскаленными щеками о плоть и металл, оставляя за собой лишь чистое пламя и смерчи из пепла.

По ушам бьет чей-то истеричный всхлип:

– Августа!

Ломая строй, в сторону позиций виспов бросается один из бойцов-тяжей.

Муром взрывается яростным матом, а я мгновенно превращаюсь в обезумевшего пианиста – работать в вирт-консоли у меня получается быстрее, чем отдавать команды голосом.

Попытка перехвата несущей частоты БКС: «Активные помехи – невозможно выделить несущий канал!»

Приказ на самоликвидацию импланту Августы – любимой пси-снайперши Кольки-Пересмешника. В ответ лишь длинный лог ошибок: «повреждение системы, нарушение целостности модуля «Нахтигаль»… отсутствие тела оператора…».

Я зло выдохнул сквозь зубы – по виртуальной консоли даже кулаком не ударить, гася острой болью раздражение и беспомощность. Оставалось лишь смотреть и списывать со счетов очередную боевую единицу. Виспы всегда и по-своему честны – меняют пленников по справедливому курсу: один к одному. Девушек на парней – и никак иначе. Благородные, твари…

У вражеских баррикад переливался всеми оттенками фиолетового плотный шар силового поля. Проковырять такой ручным оружием – задача непростая, скорее

ствол ИМПа поведет от перегрева. Да и спина бредущего-спотыкающегося Кольки перекрывает директрису ведения огня. Виспы это понимают – научены горьким опытом. На первых порах мы просто дарили пленникам легкую смерть. Сейчас же шар-тюрьма едва заметно маневрирует, укрываясь от нас броней спятившего бойца.

Внутри полупрозрачной камеры кричит и бьется Августа – холодная плазма медленно пожирает ее плоть. Ступни и кисти уже сгорели, и девушка упирается в стены обуглившимися культяпками рук. Выбора у нее нет. Если не хочешь упасть лицом на раскаленную плиту силового поля – жертвуй малым…

В десятке шагов от шара Пересмешник останавливается. БКС неприлично изгибается, переламываясь пополам, и выталкивает наружу тело оператора. Сработал протокол аварийного покидания скафандра.

За это Кольке спасибо – пси-связь, с ослепшей от боли снайпершей, не окончательно задавила разум парня. Дорогую экипировку он пытается сберечь.

Среагировав на запрос БКС, к осиротевшему скафу медленно ползет мобильная «техничка». Словно сестра милосердия – сквозь разряды и вспышки плазмы она тянется вперед, стремясь эвакуировать технику с поля боя.

Скрипнув зубами, отдаю неизбежный приказ – завершить процедуру добровольного обмена. Двое бойцов бросаются вперед. Глядя на их слаженные движения – невольно переполняюсь гордостью. Все же кое-чему мы научились.

Парни двигаются быстро, по рваным хаотичным траекториям. Пригнувшись – уменьшая профиль потенциальной мишени и укрываясь за тенью силового щита, чьи эффекторы установлены на опциональных планках ИМПа. Дорогой обвес у пушек, элитный. Но… Покупалось все не в магазине, а взято с боя. Святая мародерка.

Шар-тюрьма брезгливо выплевывает покалеченную снайпершу и тут же – жадно заглатывает фигуру Кольки. Малый протуберанец плазмы точечным всплеском сжигает парню кисть вместе с зажатой в ней гранатой.

Качаю головой. Хорошая попытка, боец. Вот только давно уже не работающая. Виспы учатся неприятно быстро…

Дезориентированная и ослепшая Августа ползет в противоположную от нас сторону. То ли к беззвучно кричащему Николаю, то ли к смутной фигуре виспа-контроллера, мелькающей в клубах искр и дыма.

Парни подхватывают девушку под руки и быстро пятятся назад, все так же прикрываясь щитами и параноидально водя стволами настороженных ИМПов.

Августа не в себе. Отбивается, хрипит, демонстрируя корень сожженного языка и заливая лицо кровавой пеной.

Я хмурюсь – раньше виспы такого себе не позволяли. Жестокости в них нет, одна лишь рациональность. Зачем же тогда лишать пленника голоса?

Девушку укрыли в недрах ощетинившегося строя. Пара тяжей навалилась сверху, стремясь удержать буйствующее тело – Августа вновь и вновь рвется наружу, стремясь отползти от нас подальше.

Кто-то уже потянулся к аптечке за успокоительным, когда я заглянул в глаза снайперши. В них плескались боль, мольба и едва сдерживаемая волей плазма.

Чувство опасности взвыло во весь голос! Шарахаюсь назад, ору команду управляющему силовым полем ИскИну:

– Прикрыть ее щитом! Быстро!!!

Поздно…

Девушку выгибает дугой, из глаз и рта вырываются раскаленные столбы света. Секунда – и маленькое солнце вспыхивает посреди плотного строя.

…Внимание! Тело оператора уничтожено… Генерация финиш-пакета… Отправка… Запуск процедуры самоликвидации…

Цифровая подпись: имплант класса альфа-прим «Нейроматик-Гризли», с/н.832439991. Слава Империи! Конец связи…

Глава 2

Светоч висп-рода позволил своей кроне испустить серебристый свет удивления. Глупые одноформенные существа! Даже Младшие Лучи знают – дважды в год, в период готовности принять семя, самки теряют искру разума и священную неприкосновенность. В эти дни сама Первородная Плазма завещала использовать их для уменьшения энтропии Вселенной и насыщения ее благой энергией Порядка.

Самки одноформенных не способны выносить полноценный Свет. Но одно то, что их слабая аура приняла Священный Дар и позволила ему развернуться в Малый Протуберанец, – ошарашивало и заставляло задуматься.

Напор двуногой плоти все возрастал. Незнание традиций позволило выгадать лишь час передышки, а затем ярость и давление боевиков ху-ма-нов увеличились на порядок. Настойчивость, изобретательность и отвага простейших вызывали невольное уважение, постепенно переходящее в недоумение.

Как? Ну вот как столь элементарные создания могут побеждать древних воинов, что более тысячи раз встречали восход Великого Светила?

Бессмертием никого не удивить, виспы и сами не умирают, лишь перерождаются в новых телах, сохраняя навыки и обнуляя кратковременную память. Но откуда у примитивных простейших такая воля, храбрость, боевитость?!

Рас, обладающих таким набором качеств, Светоч мог пересчитать по лучам малой кроны. Неужели правы легенды, смутно намекающие на Единое Начало и гордых Предтеч?!

Силы рода неумолимо истощались. Астральные сущности потерявших физическую оболочку воинов текли к ближайшему светилу непрерывным потоком. Старая звезда слаба, ее спектр далек от идеального и на воскрешение понадобится немало времени.

Младшие Лучи, уже обретшие способность проникать во Второй и Третий слои пространства, со счастливым смехом хлестали беспомощного врага из Астрала, сжигая простейших и неумолимо теряя собственную плоть.

Десяток плазменных дуг – и Младший откатывается в развитии до уровня неразумной Искры. Мгновение – и нестабильная, среагировавшая на угрозу Искра вспыхивает крохотным светилом. И то, что при этом погибнет пара-тройка одноформенных, никак не компенсирует потери.

К моменту, когда закованные в керамическую скорлупу ху-ма-ны пробились к шлюзам реактора, Светоч окончательно убедился в мудрости предков. Для Рода наступил час затмения. И для того, чтобы его пережить, всем Старшим придется уйти в Тень, а младшим отправиться по дороге Послушания и Ученичества.

Приняв решение, Светоч удовлетворенно полыхнул фиолетовыми искрами. Род – священен! Его выживание – сверхцель!

А затем старейшина совершил Постыдное. Воровато прислушавшись к Астралу, он торопливо потянулся к Источнику Рода и невероятно щедро зачерпнул накапливаемую годами энергию.

Спешно закапсулировав не то чтобы «краденое», но отнюдь не «дозволенное», Светоч бережно перенес в рукотворную звездочку слепок своей памяти, а затем одним толчком Воли закинул ее на самый дальний слой Пространства.

Вновь начинать тысячелетний цикл развития с нуля – ему очень не хотелось. Ну а гнев предков он как-нибудь переживет… С веками приходит мудрость, и именно она нашептывает: «не себя ради… право имеешь… отмолишь-оправдаешься… во благо Рода…»

Вновь разбросав фиолетовые искры, Светоч величественно вскинул конечности и полыхнул приказом:

– Прекратить сопротивление! Старшим Рода – приготовиться к процедуре Заката! Младшим – очистить разум перед ритуалом Послушания. Неразумным – принудительное развоплощение. Да наполнится Вселенная Порядком!

– Командир, они отступают!

Усталый выдох Мурома мало походил на доклад, а его скособоченная фигура была далека от идеального уставного образа. Однако злиться на подчиненного не стоило. За сутки мой заместитель умер трижды, а последние часов пять сражался без левой руки, мгновенно исчезнувшей в облаке плазменной вспышки.

Времени лечь в регенератор он не нашел, и теперь медленно загибался от лошадиных доз стимуляторов, психопротекторов и прочих пейнкиллеров.

Психика мужчины работала на износ. Душа уже менее охотно приживалась к подсовываемым ей телам, а сам организм агонизировал от некрошока и многочисленных ран.

Я все это видел через командирский интерфейс, зло грыз собственные губы, но молчал. Учитывая неослабевающий накал боя, я просто не мог себе позволить лишиться главного помощника и уложить его на пару дней в ванну с регенерирующим гелем…

– Роджер… – Киваю, подтверждая принятие доклада и заодно продавливая одноименную глифу на тактическом экране.

ИИ-тактик задержался с оптимистичным дубль-прогнозом, настороженно анализируя инфу со всех доступных ему каналов. А их было немало – крейсер все более переходил под наш контроль. Сервисные и технические лючки безжалостно срезались, на гребенки кабелей устанавливались хищные пауки хак-модулей. Вирусы техноразумных постепенно выдавливались в периферийные зоны корабельной сети.

Нарушая инструкцию «Правила поведения командира на поле боя», я слегка пободался с системой защиты своего БКС и разблокировал замки крепления шлема. Однако для того, чтобы окончательно снять высокотехнологичное изделие, потребовалось приложить незапланированные усилия. Под воздействием высоких температур металлокерамика брони потекла, и шлем изрядно прикипел к жесткому ошейнику ворота.

Частично освободившись от оков легкого скафа, я с наслаждением вдохнул полной грудью нефильтрованный и необогащенный воздух. Ароматы – так себе. Гарь, вонь, копоть. Но… Находиться в изолированном пространстве БКС я уже не мог. За сегодня меня дважды сожгли в конкретно этой скорлупе и теперь характерный шашлычный запах сгоревшей плоти накрепко въелся в нутро скафандра. Моей плоти!

Никогда не понимал танкистов… Ведь в случае чего – простой дыркой в теле ты вряд ли отделаешься. Гораздо вероятней, что сгоришь со всем экипажем. Жуть…

Не понимал я их и рвался в небо, в авиацию. Дадут боги и Удача – скоро улягусь в пилотское кресло! До летной палубы осталось всего ничего – один рывок!

Раскачанная пси-энергией интуиция уловила завистливый взгляд Мурома. Его тяжелый БКС не позволяет такого вольного обращения. Шлем «Атланта» – несъемный в полевых условиях, да и весит в текущей комплектации сорок три кэгэ.

Хотя на вид и не скажешь – все довольно ажурно и не громоздко. Фишка тут в технологиях многослойного литья под чудовищным давлением планетарного ядра. Плотность полученного сплава значительно превосходит сверхтяжелый осмий. Плавающие в магме автоматические заводы способны на многое. В том числе – на саморепликацию, активную оборону, апгрейд оборудования и внесение конструктивных изменений в номенклатуру товара.

Сочувственно кошусь на отсутствующий манипулятор БКСа Мурома. Система саморемонта скафа запечатала прореху керамической пеной. Примерно то же самое сотворила аптечка с плечевым суставом моего зама.

Если захочу – можно поковыряться в логах и посмотреть более подробный отчет о борьбе за живучесть техники и ее оператора. Но времени на это нет, мне достаточно желтого маркера: «условно боеспособен», дорисованного так-монитором над головой у младшего лейтенанта.

Доклады продолжают поступать. Чудом выжившие «Баньши» сообщают о прекращении противником информационного сопротивления и перехода всех электронных систем на открытый протокол. Ловушка? А черт его знает…

Секунда на размышление, затем жму плечами и отдаю приказ: «Захват всех доступных устройств, экспресс-перепрошивка под наши самописные драйвера и активация протокола шифрования резервным ключом соединения». От таких подарков не отказываются. Час-другой на освоение, и отобрать его назад будет очень непросто.

В наш тыл отходит тонкая вереница санитарных и эвакуационных ботов.

Битая и горелая техника – на мой взгляд, явно не подлежащая восстановлению.

Тяжело раненные бойцы – отчаянно цепляющиеся за жизнь и нежелающие попасть в ад виртуального чистилища. Да и посмертные дебафы более чем неприятны. Пока недоверчиво ерзающая душа окончательно не угнездится в новом теле – воскресшему гарантирован потрясающий букет ощущений. Судороги, краткосрочная остановка дыхания или сердцебиения, самопроизвольное мочеиспускание… Да ну его лесом-полем! Вспоминать тошно!

Никто с этого уже не ржет, шутки юмора на больную тему давно признаны неприличными, так что социальная составляющая проблем максимально сглажена. Но вот физика тела заставляет потеть кровью и выть по-волчьи.

Адаптивная капсула легко сводит на нет все пост-эффекты, и в условиях стационара белоснежного «Госпитальера» – такая процедура просто обязательна. Но у нас «адаптивка» всего одна, да и та в период боя является недопустимой роскошью. Так и живем – от смерти к боли.

Парни седеют на глазах, девчата превращаются в разъяренных сук, а командирская заначка наиболее тяжелых медикаментов уже показывает дно.

Отдых, мы критично нуждаемся в отдыхе! Недели непрекращающихся боев и десятки смертей на личном счету у каждого! По законам ВКС РИ, нас давно уже должны были отправить на реабилитацию, куда-нибудь к голубым лагунам девственной Геи, где миловидные девушки из службы Психологической Разгрузки помогли бы сгладить пугающие воспоминания…

Поневоле смотрюсь в чудом уцелевшую противолазерную полировку шлема. На моем виске короткая татуировка штрихкода. Четыре длинные полоски и три короткие. Двадцать три смерти в бою. С таким иконостасом в лучших столичных

барах Новой Москвы бесплатно преподносят стопку «Солдатской Слезы» и кусочек рыхлого черного хлеба, щедро посыпанного серой солью.

И горе тому, кто прельстится халявной выпивкой и самовольно набьет статусную татуху. Сколько таких сопляков, обливаясь слезами принудительного раскаяния, срезали себе кожу с виска десантным тесаком. И лучше в этот момент не всхлипывать – атомарному клинку безразлично что резать – плоть или кости черепа.

А что делать? За свои действия надо отвечать. Тем более когда над тобой нависает дюжина суровых мужиков, очень недовольных мягкостью наказания…

Отвлекая от мыслей, дрогнули и поползли в стороны изъеденные оспинами попаданий многострадальные двери шлюза. Путь в реакторный отсек открыт? А может, из десятиметровой арки сейчас выползет тяжелый контрштурмовой «Левиафан», с хакнутой системой перебора целей «свой – чужой»? И как влепит по нам с двух дюжин стволов! Мало не покажется…

Соединение сейчас бесконечно далеко от гордого звания «роты тяжелой пехоты со средствами усиления батальонного уровня». Теперь мы едва впишемся в параметры «сводного отряда обороны объекта класса «Д».

Потери в людях и технике колоссальны!

Бойцы пятятся без команды, рассредоточиваясь по искалеченному залу и распределяя между собой секторы ответственности. По коридору спешно убегает зарядный серв-бот: гремит коробами с БК и звенит тянущейся за спиной пулеметной лентой. Ну чисто кошак с привязанной консервной банкой!

Ловлю на себе вопрошающие взгляды командиров звеньев. Тактический монитор попискивает входящими запросами и сыплет глифами докладов. Однако интуиция молчит, опасности я не чувствую.

В последний раз вдыхаю не испорченный горелым шашлыком воздух и нахлобучиваю шлем на голову. Работоспособность брони уже сомнительна, статус целостности экипировки: «32 из 100» – скорее на утилизацию, чем в ремонт. Но мой имплант облегченно мигает зеленым огоньком и фиксирует повышение уровня выживаемости оператора.

Иногда мне кажется, что «Альфа-Прим» где-то даже сомневается в моей разумности и с некоторых пор превратился в заботливую няньку, присматривающую за убогим дитятей.

Едва заметно подмигиваю и успокаивающе шепчу:

– Все хорошо, «Гризли», не рычи, мишутка…

Характер у «Альфа-Прим» незлобный, но въедливый. Имплант еще секунду бурчит, заваливая экран выдержками из статей дисциплинарного и полевого уставов. Ну да, нарушил, знаю… Но в данной ситуации я не просто командир – одна из миллионов безликих шестеренок в гигантском организме ВС РИ. Я еще и Лидер, от которого ждут Поступков, демонстрации личной храбрости и прозорливой гениальности. Народ постоянно пробует меня на прочность, проверяя рамки дозволенного и готовясь хором вскричать: «Акела промахнулся!»

– Все, «Гризли», уймись! Опасность с фронта!

Впереди действительно происходило что-то странное. Через заклинившие на полпути створки шлюза медленно выдвигалась колонна виспов.

Во главе отряда – крупная матерая особь. Броня физической оболочки цвета окалины, из глазных щелей рвутся едва сдерживаемые протуберанцы. С такими мы еще не встречались, реально страшно представить его мощь!

По позвоночнику ползут мурашки, а руки в перчатках неожиданно потеют. Сжимать рукояти ИМПа становится тяжелей. БКС привычно приходит на помощь – тело обдает прохладный ветерок, бронескаф форсирует систему внутреннего кондиционирования.

– Спс… – беззвучно шевелю губами, настраивая прицелы систем вооружения на замершей фигуре.

ИМП, подствольный лаунчер и плечевой маломощный лазер, больше подходящий для саперных нужд и обороны ближнего круга. Вскрыть стену, перерезать балку или сжечь на подлете шальную гранату.

Обычно яркое сияние ауры виспа – сейчас приглушено. Четыре конечности скрещены за спиной, носимого оружия не видно. Сдается? Предлагает переговоры? Ну нет среди нас ксенопсихологов! Мы боевое подразделение, а не группа Дальней Разведки!

Следом за главарем выстраиваются четырнадцать особей поменьше. Ну как – «поменьше»? Имплант однозначно идентифицирует их как «висп-ветеранов» и настороженно обводит контур бордовой линией. И вновь поза покорности – руки добровольно скручены за спиной, забрала шлемов откинуты.

Следующая партия – две дюжины «виспов-работников», как классифицирует их «Гризли». Попадаются очень редко, от столкновения обычно уклоняются. Зачастую таскают на себе энергетические сгустки, которые прикрывают своим телом до последней возможности. Однако я почему-то уверен – это не работники, а женские особи ксеноразумных. Сгустки же отнюдь не батарейки, как успокаивающе внушает нам ИИ-тактик, а дети, зародыши или икринки – называй, как хочешь…

Впрочем, свои мысли держу при себе. Не стоит парням лишний раз раскачивать психику, добавляя рефлексий и моральных страданий. Хватает у нас скелетов в шкафу и без этого.

Чего стоит одно лишь подразделение подросткового кадетского корпуса для детей-сирот ветеранов Флота. Нечто очень схожее с нашим Суворовским училищем.

Тринадцатилетние девчонки, невесть зачем проходившие практикум выживания в недрах «Марата», – отказались присоединиться к «Отряду 13-7». Подростковый максимализм, куда ж без него. Более того, соплячки умудрились выбраться из заблокированного объема и устроили нам тотальный партизанский террор на коммуникациях. Попытки переговоров провалились. А после пары случаев с пленением и игрой в детское гестапо – пришло время зачистки.

По логике – мы правы. Но вот совесть, сука неугомонная, нет-нет да подбрасывает образы визжащих и бьющихся о переборки горящих фигур. Адово пламя напалменного аэрозоля. Наиболее простое решение для контрпартизанской войны…

На площадке перед шлюзом стало тесно. Следом за «мамками» выплыло столько же тех самых огоньков, связанных с родительскими особями тонкой пуповиной энергожгута.

Ассоциация с матерью – ребенком стала настолько очевидной, что стволы у парней невольно дрогнули и поползли вверх. Одни лишь пси-снайперши остались невозмутимы – женщины вообще существа более жесткие, чем мужчины, кто бы чего себе ни фантазировал по этому поводу.

К счастью, времени на самокопание и подсчет зарубок на прикладах ИМПов нам не дали. Вожак виспов сделал шаг вперед, его броня потекла, впитываясь в плоть и обнажая ослепительно светящуюся гуманоидную фигуру. Смотреть на него невооруженным глазом – словно любоваться солнцем. Взгляни разок, а потом наслаждайся временной слепотой…

Верующих среди нас мало, но когда за спиной вожака развернулись роскошные белоснежные крылья – мой имплант явственно вычленил пяток ошарашенных голосов: «Ангел!»

Демонстрация пустых конечностей в наименее удобной для атаки позиции – явственное приглашение к переговорам. Либо капитуляции, но это уж из области совсем нереального. Да и что нам делать с полусотней живых батареек, способных рвануть как разбалансированный реактор спасс-бота?

В наших рядах легкое замешательство. Бойцы не понимают сути происходящего и ждут команды «Фас!». Сержанты с трудом сдерживают свои отделения на коротких поводках и косятся в мою сторону.

Игнорирую тревожные выкрики «Гризли», в два нажатия вызываю сервисную панель БКС и активирую протокол экстренного покидания скафандра. Дивясь дурости конструкторов и делая в уме памятку «переписать идиотский интерфейс», вручную ввожу свой личный код и дважды подтверждаю желание оголиться в «красном секторе опасности».

Убедившись в моей решительности и вменяемости, скаф больше не тормозит. Совершая подобие техногенного харакири, он вспарывает броню крест-накрест (сорок минут на последующий ремонт, минус три процента от ресурса БКС) и толчком псевдомышц выбрасывает меня в наиболее безопасном направлении.

Эффектно, но болезненно. Хорошо хоть что умудряюсь сгруппироваться в воздухе и приземлиться на ноги. Высший шик!

Медленно шагаю навстречу глав-виспу. Пустые ладони держу перед собой, но безоружным я отнюдь не являюсь. Сюрпризов в моей тушке хватает.

Напряжение в воздухе все нарастает. Бойцы-земляне нервничают и поглаживают спусковые гашетки и электронные предохранители. Пси-снайперши привычно невозмутимы – дар предвиденья – у кого на одну секунду вперед, у кого на целых тридцать – позволяет им находиться в зоне комфорта и не ожидать от врага сюрпризов.

Вожак считывает мое раздражение и приглушает яркость сияния до терпимого уровня уличного фонаря. Виспу явно некомфортно – как если бы мне пришлось опустить температуру собственного тела градусов до пяти.

Рот ксеноразумного не шевелится, но его ментальный зов за секунду взламывает мои хилые щиты и отдается в голове величественным гласом. Другого слова у меня просто нет.

– Слабейшему – что смог Победить! Простейшему – доказавшему Многогранность! Убогому – вставшему на Путь!

Я вскинул брови – хренасе! За такие комплименты можно и от близкого друга в морду получить. А уж выслушивать их от врага… Ладно, временно спишем на проблемы взаимопонимания. У нас в отряде тоже таких хватает – вроде и говорят что-то, а смысла ноль. Дети, выросшие на албанских форумах… Уж лучше б мычали…

Висп дождался, когда калейдоскоп эмоций перестал отражаться на моем лице, и продолжил:

– Мы склоняем кроны перед сиянием твоего Пути. Готовы осветить его всей зрелой Праной Рода… – Тут голос вожака сбился с высокопарного тона и на мгновение стал где-то даже хвастливым: – А это – Благословение силой в девять миллионов Эрго! Готов ли ты принять наш Дар, в рамках добровольного Ухода и Послушания?

Я чуть было не оглянулся, мечтая о «помощи зала». Интуиция молчала. Подслушивающая нас по ментальному каналу Лина недоуменно морщила мозг. Слабенький программный ИИ-ксенопсихолог бормотал нечто противоречивое. Что делать-то?

Благословение – звучит вроде как неплохо. На войне стопроцентных атеистов не бывает. Дар – тоже не пугает. Ништяки и лут – наше все. Безразмерные торбы всегда наготове у каждого уважающего себя летуна и пехотинца. Послушание? Хм…

Я горестно поглядел на статистику потерь средств усиления, затем смерил взглядом могучую фигуру вождя виспов. Имплант испуганно подсказал – мощность самоликвидации этого монстра потянет на десяток килотонн в тротиловом эквиваленте.

Пожимаю плечами и, как человек, которому нечего терять, уверенно киваю:

– Готов!

Волна удовлетворения прокатывается среди виспов. Старший сдержанно шевелит огненными протуберанцами на безволосой голове и размеренно рокочет:

– Ты не пожалеешь! Неси же бремя Наставничества с терпением угасающей звезды! Ну а мы – знаем, какова цена Обучения у Ставшего на Тропу!

Вождь медленно и торжественно поднес верхнюю пару конечностей к сверкающей маске лица. Вспыхнувшим на кончике пальца плазменным резаком он одним коротким движением вспорол собственную грудину и с чавкающим хрустом вывернул наружу каркас из синеватых ребер.

Позади меня впечатленно крякнул кто-то из бойцов. В унисон чей-то молодой и циничный голос едва слышно пробормотал: «Гранату бы ему туда забросить…»

Да… Виспов у нас не любили. Драка с разумной плазмой дорого обошлась каждому из бойцов. Десяток-другой насечек на виске, часы персонального ада, сутки дебафных судорог.

Считывающая мое беспокойство Лина делится мгновенным калейдоскопом мыслеобразов. Хм… Не меньше полудюжины бойцов на грани срыва и ждут только малейшего повода для истеричного открытия огня.

Рискую и подставляюсь под недовольство подчиненных – принудительно блокирую системы огня у всего сержантского и рядового состава. Конечно, далеко не все оружие имеет модули внешнего управления и удаленного контроля, но… Делаю что могу.

Озноб нехорошего предчувствия слегка попускает. А то моя многострадальная задница очень тоскливо чувствовала себя на линии огня полусотни стволов.

В игру также вступает Док – особо нервным товарищам аптечка БКС добавляет «Нирвану-9» в дыхательную смесь. Никакой наркоты из хитрых травок, чистая химия для релакса, ага… Главное – не частить, а то залипнешь. Состояние нирваны оно такое… Погружающее и обволакивающее.

Хруст многочисленных хрящей отвлекает меня от контроля над перегретым и ушатанным «в немогу» подразделением. Все половозрелые виспы повторили мрачный ритуал вожака. Самураи чертовы… Массовое харакири, или сэппуку – не помню я, что из них что. Где там живот вскрывают, а где горло режут. Где мальчики, а где девочки…

Беспокойные морщины пересекают мой лоб. Але, ребята! Не портите обещанные Дары! Две дюжины виспов-ветеранов! Да с таким усилением мы наконец-то сможем зачистить трюмы несчастного «Марата»! Да что там трюмы! Может, и на внешнюю обшивку вылезем, наплевав на сошедших с ума контрабордажных ботов и расплодившихся боевых вормов!

Однако вожак считал по-другому. Свободная пара рук нырнула в глубину влажной и трепещущей плоти, извлекая наружу сверкающий комок. Вряд ли сердце – мне вообще непонятна столь прочная привязка энергетической формы жизни к физической оболочке-носителю.

Не сердце – но нечто критично важное. Могучая фигура вождя стала угасать и оплывать, как пластилин под жарким солнцем. Главвисп рыкнул еще нечто торжественно-оглушающее и сжал ладони, раздавливая хрупкое хранилище.

Вспышка! И тонкая спица белоснежной плазмы уходит сквозь переборки, точно по направлению к светилу системы.

Вспышка! Вспышка! Вспышка! Мои глаза, не защищенные умной электроникой БКС, на мгновение ослепли. Миллиарды фотонов легко пробивали плотно сжатые веки, шокируя колбочки и трубочки глазного яблока.

Когда я смог проморгаться, на площадке реакторной зоны осталась лишь пара дюжин тоскливо подвывающих мелких огоньков. Короткое ругательство поневоле сорвалось с языка.

Млин! Что за подкидыши?! Дар, говорите? Тяжелое бремя Наставничества? Да какого черта?!

Один из крупных огоньков пришел в себя первым. Медленно и настороженно он двинулся в нашу сторону, игнорируя направленные стволы и активируемые системы личных защит. Видали мы, как взрываются такие штуки. Плазменный шар в пять метров диаметром. Идеальная сфера «не жизни». Плавится все, включая средние БКС и внешний обвес тяжей.

Блуждающая шаровая молния неторопливо плыла между замершими фигурами бойцов. Иногда останавливалась, словно принюхиваясь, меняя цвет, мерцая очертаниями, а иногда и вовсе отращивая крохотный щуп и недоверчиво-боязливо касаясь внешнего поля ауры.

Наконец, шар доплыл до Мурома. Зависнув напротив напряженного лица командира тяжей, мелкий висп облетел его вокруг, затем дотошно, по-хозяйски, ощупал, надолго задержавшись в области головы. При этом количество щупалец перевалило за десяток и присасывались они к хорошо знакомым нейробиологам точкам. Я бы взволновался, однако имплант Мурома уверенно рапортовал – вторжения в разум нет, фаерволл настороже, критичные знания прикрыты паролями и ловушками в несколько рядов.

Мой заместитель все больше бледнел и потел, губы его начали беззвучно двигаться, словно гигант нашел общий язык со светляком. Висп семафорил в ответ, расспрашивая, убеждая и в чем-то клянясь. Наконец, Муром вытянул вперед руку и огненная искра послушно улеглась на его ладонь. Пламя втянулось, ослепительное сияние угасло, и разумная плазма ужалась до размера

тусклого кристалла углерода. Алмаз – в сантиметр диаметром и редчайшего красного цвета. Точнее – бриллиант. С агрессивными гранями и бордовыми всполохами внутри.

Висп выбрал себе наставника.

Муром резко сжал кулак, пряча добычу от наших удивленных взглядов. Огляделся – с вызовом и легкой тревогой. В глазах так и читалось – «мое, не отдам, моя прелесть»!

Отреагировать на тревожную трансформацию я не успел. Теперь и рядом со мной появился плотный, уверенный в себе светляк. Ткнулся, было, щупальцами в ауру, раскладывая перед собой пасьянс моих детских воспоминаний и готовясь к вдумчивому просмотру. Однако мой внутренний волчонок отреагировал на вторжение максимально агрессивно. Ярость и готовность к схватке вспенили адреналином кровь, а хлесткий удар пси-бича отбросил светляка в сторону.

– За что ты его так! Он же маленький, не понимает ничего, любви просто хочет, вот и подстраивается!

К обиженному созданию бросилась возмущенная Лина, великолепно смотрящаяся в стелс-комбезе легендарных пластунов.

Висп мгновенно среагировал на желанный эмоциональный фон, прячась в объятьях девушки и жалобно мигая депрессивными цветами.

Ага, повсхлипывай тут мне еще!

Я покачал головой и на минуту переключился на внутренний интерфейс. Следовало позаботиться о восстановлении боевой дисциплины подразделения.

Прямые приказы, окрики, а кое-где и щедро розданные наряды на службу, вновь превратили гомонящую толпу в единый отряд, усиленный парой дюжин разумных кристаллов с непонятными характеристиками.

Наконец, повернув голову к Лине, я на мгновение замер, позабыв, что хотел сказать. В руке у смущенной девушки сверкал сотнями граней роскошный

желтый бриллиант.

Глава 3

ТАК «Марат». Локация: 118-я палуба, сегмент секции ближнего ПКО, арсенальный погреб оперативного боепитания. Волей рэндома – стартовая локация 49-го авиакрыла штурмовиков.

Константин Иванович Луднев, некогда респектабельный бизнесмен-хозяйственник, а ныне – глава горстки изможденных землян, затаив дыхание сидел на корточках, укрывшись за аккуратным штабелем мертвых капсул.

В руках он удерживал тонкий шнурок, искусно сплетенный из полупрозрачных жил оптоволокна. Практически невидимая стропа уходила куда-то под потолок отсека и служила спусковым крючком для многотонной ловушки, нависшей над сервисным лючком. Волнение старшины угадывалось лишь по едва заметно трепещущим крыльям носа. За три года виртзаключения он научился терпению и уже давно подчинил организм жестким рамкам «Трех Д»: Движение, Дыхание, Диета.

Собственноручно разработанным рамкам…

Несуетливое движение, медленное дыхание, жесткая диета. Иначе в локации с пугающим индексом обитания в «0.23 % от нормы» – не выжить. Ребят и так осталось всего ничего – из начальных полутора сотен землян в строю сейчас числилось всего сорок один. Остальные не смогли приспособиться, пережить бесконечную цепочку смертей и мучительного прессинга виртуального ада.

А ведь мнимое избавление так близко! Как нашептывают друг другу опустившиеся смотрители фекальных кадушек: «Да ты разбей электронику персональной капсулы и счастливо сдохни! В последний раз!»

И просекли же, твари чумазые, куда нужно бить, чтобы повредить нежные электронные потроха!

Константин, он же – «Кил», награжденный таким звучным позывным из-за инициалов своего имени, – позволил себе на мгновенье отвлечься и скосил глаза в сторону жилой зоны. Мазнув взглядом по скромным владениям отряда, он удовлетворенно кивнул – все в порядке. Экс-хулиган, гроза десятка унылых домов спального района Казани, а ныне боец группы поддержки внутреннего правопорядка – сержант «Тигра» – бдил. Причем не пялился на тощие задницы работающих на крохотной плантации баб, а реально мониторил окружающее пространство.

Нельзя допускать «опустившихся» к капсулам – слишком велика у них вера в «аппаратный выход». Мол, стоит лишь убить ненавистное железо, и в следующий раз ты обязательно воскреснешь в казарменном уюте учебки. Со всеми ее пищевыми автоматами, душевыми, массажными ложементами, персональными кубриками и нормированным распорядком дня. Короче, животная мечта – жрать, спать и делать вид, что работаешь…

Кил скривился. За три года вынужденной робинзонады лишь очень немногие сохранили в себе Человека. Большинство же довольно быстро скатилось в примитивизм. Кто-то почувствовал дурную силу и превратился в тривиального ублюдка. Кто-то оскотинился до состояния вечно голодного чмыря, что повинуется приказам, но все время стремится закосить, заискивающе глядя в глаза и мечтая ударить заточкой в спину.

Вот и сейчас, загривок Кила обожгло чужой ненавистью. Видать, кто-то из работников на секунду оторвался от текущей задачи и мазнул взглядом по широкой спине командира. Зависть и злоба. А как же! Лучшая еда, экипировка, персональная каютка и вот сейчас – шанс на лут и крупицу драгоценного опыта!

Презрительно скривившись, старшина угрожающе оскалил зубы и демонстративно поправил на поясе самое навороченное оружие группы – маломощный плазменный резак, снятый с чудом прибитого ремонтного дроида.

В режиме максимально широкой фокусировки инструмент выдавал метровый факел гудящего пламени и превращался в грозное оружие массового поражения. По крайней мере, на фоне общего уровня техногенного развития бойцов 49-го авиакрыла.

Ведь что у них есть? Сплошные палки-копалки, примитивные ножи из огрызков жести, пластиковые фартуки вместо брони и чудо-молотки из клееных пакетов вездесущих вольфрамовых цилиндров. Вот чего – а этого добра у них было навалом…

Ну а то, что замазанная грязью батарея горелки тревожно помигивает алым, – знать никому не нужно. Пусть лучше боятся, ведь другого аргумента для сдерживания уставшей от жизни толпы у Кила нет. Остается лишь надеяться, что в затуманенных рутиной головах еще свежа память об усмирении последнего бунта «черноногих» – некогда многочисленной прослойки 49-й группы.

Тогда земляне безвозвратно потеряли две дюжины человек, причем ладно бы только добровольных суицидников!

Зацепив все еще кровоточащую душевную рану, старшина беззвучно застонал и заскрипел зубами. Алена… Эти твари разбили и ее капсулу, лишив верную подругу шанса на перерождение!

Кил оберегал ее как мог! Вычеркнул из списков на «еженедельную добровольную смерть во имя ИО», делился своей порцией и тайком потрошил ротный НЗ. А она… Она устала от переполненных ненавистью взглядов и добровольно ушла, вскрыв ночью вены по всей длине. От запястья до локтя, на обеих руках… Не помог даже личный пилотский имплант специализации «Штурман эскадрильи».

Твари! Кил с трудом унял мышечную дрожь. Ощущение чужого злого внимания исчезло. Чуют и боятся, суки…

А вот тогда работяги, отыскавшие во мху редкую сколопендру-берсеркера, решили не упустить своего шанса. Добровольно подставив язык под хищные жвала, каждый из них получил летальную дозу яда и минутный баф боевого безумия. Разума в таком воине остается не много, а вот дури – хоть отбавляй…

Легко смяв личную гвардию Кила, они прорвались в запретный отсек для «старших», где и натворили немало бед – сокрушив все, до чего только успели дотянуться за отведенные им секунды. В том числе – почти три десятка капсул с предусмотрительно затертыми номерами.

Старшина, он же последний диктатор 49-й, медленно выдохнул сквозь зубы. Идиоты… Розовая сколопендра попадается не чаще одного раза в год! Да под таким бустом у запертых на четырехстах квадратах землян появлялся реальный шанс расширить контролируемое пространство! Через зараженный биотерминатором отсек они бы не прошли, а вот лазерную турель, параноидально прикрывающую дверь дальнего шлюза, – вполне могли бы сковырнуть!

Такой шанс пролюбили, эх! Да и хрен бы с этим шансом! Алена…

Кил с ненавистью покосился на дальнюю стену, где все еще висел один из заговорщиков. Измученная сколопендра поскупилась на яд, и неудачливый офисный работник из Самары выжил. К своему ужасу и в назидание остальным. Жив он и до сих пор, вкушая полной ложкой сомнительные плоды бессмертия. За прошедшие четыреста девять дней – ярость и фантазия старшины не истощились.

Придавив желание брезгливо сплюнуть (экономия влаги и ресурсов организма!), Кил настороженно прислушался. В привычный гул и стон искалеченного крейсера вплелись новые нотки. Довольно далеко, на пределе чувствительности, зацокали по палубе стальные лапы дрона.

Старшина поднял левую руку, и в отсеке мгновенно наступила тишина. Работники замерли, превращаясь в неподвижную скульптурную группу. Дисциплина и послушание в 49-й возведены в абсолют.

Замкнутый объем изолированного цикла не терпит хаоса. Цена жизни – ничтожна, наказание за любой поступок – смерть. Не умеешь существовать в строгих рамках общежития – отдохни сутки в персональном аду и подари оставшимся лишнюю долю процента индекса обитаемости.

Едва слышно вздохнула пневматика сервисного лючка. Крашенная в косую, черно-желтую полосу, дверь плавно отъехала в сторону, синхронно пропуская приземистую гусеницу грузового серва.

Кил осторожно выбрал слабину спускового шнура, пристально следя за едва заметными метками на палубе. Ну же, насекомое, давай, шевели лапами! Ведь в

тебе не только центнер металлокерамики, дюжина драгоценных батареек и встроенный эффектор плазменного резака. Но еще и та самая последняя крупица опыта, которой старшине так не хватает для финального рывка к офицерскому званию! А уж там – вскроются заблокированные интерфейсы младшего командного состава, генераторы простейших квестов, системы управления и мониторинга уровня взвод-рота, ну и прочие плюшки-пряники, включая силовой кнут внешнего управления для наказания нерадивых бойцов!

Шестиплатформенный паровозик дрона недоуменно замер, сканируя окружающее пространство и обновляя карту системы хранения номерных цинков с БК.

Кил сжал побелевшие от напряжения губы. Да уж, перестановочку на этом бестолковом складе они устроили знатную…

Дрон уже было решился, повернув пыльные сенсоры в сторону коробов с красно-черной маркировкой, сделал шаг, но…

За спиной у Кила раздался жуткий грохот, словно упал забитый рухлядью старый шкаф. Серв испуганно пискнул и стремительно рванулся назад, в спасительные недра служебных туннелей крейсера.

– Мля! – яростно выругался старшина и на одних рефлексах дернул за шнур.

Подвешенный под потолком контейнер, от души набитый все теми же кирпичами цинков, подчинился гравитации и рухнул на палубу. Пол под ногами вздрогнул, а стальная сколопендра с придавленным хвостом яростно забилась под неподъемным грузом.

– Есть! – победно закричал Кил, все еще не веря своей удаче.

Да, добить дроида будет не просто, но старшина уже давно не верил в халяву. Ко всему добытому без пота и крови Кил относился с большой долей недоверия и с постоянным ожиданием подвоха.

Вспомнив о вопиющем нарушении режима тишины, он выхватил из поясной петли тяжелый самодельный клинок и резко обернулся к толпе:

– Ну и какая гнида чуть не запорола охоту?!

Взгляд Кила еще не успел срисовать изменения в оперативной обстановке, а вот имплант среагировал быстрее. Подсветив смертельно опасным бордовым контуром фигуру в массивной штурмовой броне, пилотный «Альбатрос Мк.3» тревожно рапортовал:

– Внимание! Обращение к учетной записи!

Кил нахмурился и потянулся к плазменному резаку – этот противник расплющенной арматурине явно не по зубам. Буркнул вполголоса:

– Блокировать!

– Невозможно. Запрос высшего приоритета, ключ-подпись офицера РИ Флота подтверждена. Активирую базовый аппаратный протокол «Троя». Предоставляю полный доступ и коды внешнего управления…

«Альбатрос» перекрасил контур гостя в зеленый цвет и принялся предательски сливать системные логи по принудительно открытому каналу связи.

Кил зарычал и сделал шаг вперед, готовясь грудью встретить неизвестную напасть, однако пришлый опустил ствол навороченного оружейного комплекса и миролюбиво выставил вперед руку:

– Спокойно, дядя. Я Павел Счастливчик, командир сводного соединения «13-7», капитан «Марата» и прочая, и прочая.

Гость одним движением снял шлем, демонстрируя мирные намерения и уверенность в собственной крутизне. Тактическая подсветка боевого скафа позволила легко разглядеть самозванца.

Молодой парень, со скуластым волевым лицом и холодными волчьими глазами. Он поморщился, втянув носом воздух, и сочувственно покачал головой:

– Полная жопа. Как же вы тут выжили, братцы?

Секунда всеобщего молчания, первые неуверенные женские всхлипы, а затем чье-то радостное:

– Земеля!!!

* * *

Я медленно крался по темным коридорам «Марата», кропотливо сканируя пространство во всех доступных диапазонах. Пара обнаруженных ловушек, снулый серв в технической нише и неизвестно чья оружейная закладка под фальш-панелью палубы – служили достаточным стимулом для предельной внимательности.

Впереди блекло полыхнул самоликвидатор «мошки». Поморщившись – крохотных разведчиков осталось всего ничего, я замер и вывел на лобовую пластину шлема последние логи крылатого скаута.

Ага, спасибо тебе, малявка, твоя смерть была не напрасна. В этот шлюз я теперь точно не полезу. Не то чтобы я не мог справиться с тройкой настороженных и подозрительно бодрых «Баньши», но оно мне надо? Зарубаться по-взрослому в самом начале рейда и дурнем шуметь на всю округу? Лучше уж тихонько, на кошачьих лапах…

Практика показала – так выхлоп больше. В стальных джунглях полумертвого корабля я скорее осторожный волк, чем прущий нахрапом лев…

На просторах Вселенной – человек отнюдь не вершина пищевой цепочки. Чего стоит один только Рой техноразумных, гасящий звезды на своем пути.

Хлопаю ладонью по цилиндру на поясе, выпуская в пространство очередную «мошку». Статус-иконка «Улья» меняется на желтый – киберскаутов осталось меньше трети.

Досадливо морщусь – пехотного снаряжения на «Марате» жалкие крохи. И потеря даже таких простейших разовых расходников для нас невосполнима – транспорта снабжения из метрополии в ближайшее тысячелетие не ожидается.

На секунду замираю перед очередным разветвлением. Бронированной перчаткой срываю со стены пласт вездесущего мха, высвобождая тускло светящиеся навигационные пиктограммы. ИскИн удовлетворенно урчит, поглощая информацию с «QR» меток шлюза и занося их на карту. Через мгновение следует рекомендация – поворачивать направо и продвигаться в сторону погребов оперативного боепитания. Есть мизерный шанс на добычу.

С БК у нас полный швах! Хуже дело обстоит только с капсулами воскрешения. Слишком уж часто боксы вспыхивают маркерами критичных ошибок и отключаются вплоть до прибытия лицензированного техника от компании «Петергоф-Рос-Диджитал»…

Ага… Есть такая птичка – наивняк.

Нам же остается скрипеть зубами и расшифровывать скупые и невнятные системные коды: «Недостаточный уровень заряда батареи», «Потеря линка связи с материнским устройством», «Загрязнение камеры переброса». Мы вслепую меняем блоки, наугад тыкаем платы, с умным видом ковыряемся в настройках. И как ни странно – из пяти битых капсул таки собираем одну целую.

Вот только пользоваться ими стремно. Слишком уж велики шансы получить вместо воскресшего бойца кучу органического фарша. Наблюдал однажды такое, больше не хочу…

Так что, даже если бы мне предложили обменять одну капсулу на плазменные клипы по весу – я бы отказался. В золотом резерве отряда скопилось меньше двух дюжин запасных боксов. А ведь каждый из запасных саркофагов – это жизнь кого-то из братьев и сестер по оружию. Причем вполне может статься – что и твоя собственная жизнь.

Правда, с боеприпасами у нас реальная беда… Едва ли треть стандартного БК по имперским уставам. Впрочем, требования Нового Рима для «подразделений, действующих в отрыве от основных сил» – были менее драконовскими. По таблицам снабжения амазонок – мы были укомплектованы практически штатно.

Для основного вида вооружений – на сорок минут боя «средней интенсивности».

Для вспомогательного – на сутки «активной фазы полицейской операции».

Мутный термин расшифровывался просто – две обоймы на короткоствол, персональный мини-цинк боллов в разгрузке и универсальный аккумулятор экспресс-подзарядки на поясе. Вот и вся война…

Продолжаю движение. Процесс практически бесконечный – общая длина коридоров на крейсере – более семи тысяч километров.

Потроха «Марата» замечательно подходят для съемок ужастика.

Вечная тьма, разукрашенная цветными пятнами расплодившегося мха.

Космический холод, перемежающийся с раскаленными участками. Теплообмен у вакуума нулевой, а источников тепла на крейсере хватает.

Частые зоны разрушений – последствия космического боя, мародерки и буйства обезумевших киберов.

Слоеный пирог из всевозможной живности – техно и ксеноразумные, курсанты колониального Рима и вроде бы даже ошметки выжившей команды.

На последнее намекало появление так и не найденного нами канонира, ссадившего с орбиты половину крупнотоннажников Роя. За что ему наше уважение и поклон до самой земли. Не лицемерный, а реальный, от души.

Под ногами вновь захлюпала вода, внешние микрофоны донесли частый перестук капели. Беру пеленг, иду на звук. Третья часть моей миссии важна не менее, чем разведка, собирательство и картография.

Уровень воды заметно поднялся. Крошу ногами ледяную корку, гоню перед собой невысокую волну. В бронированные ботинки скафа норовит вцепиться какая-то живность, ступни вяжут плети хищного мха.

Качаю головой – богатые тут места, нетронутые. Верный признак, что живых поблизости нет. У нас бы всю эту органику мигом пустили в котел.

Ага, вот и протечка! Длинная щель под потолком вообразила себя водопадом и щедро хлещет декалитрами столь ценной в космосе влаги.

Командирский интерфейс обреченно пищит, ставя на трехмерной карте очередную метку: «требуется срочный ремонт». Измученный ИИ крейсера давит тоской по офицерскому каналу связи. Поврежденный, изолированный в броневом коконе искусственный разум – практически недееспособен. Все его ресурсы брошены на борьбу с вирусом техноразумных. Причем битву он проигрывает, год за годом лишаясь кластеров памяти и блоков процессорных мощностей, по живому отсекая от себя зараженные участки

– Не сцы, Миелафон. Сейчас подрихтую…

Потерявший самоидентификацию ИскИн на новое имя уже давно не обижается. Окутав меня маревом надежды, он снова вернулся к сражениям на цифровом фронте. Какие мутации кристалла привели к зачаткам псионической активности псевдоразумного – я не знал. Повреждения мозга они такие – зачастую открывают новые грани реальности. От сумасшествия до гениальности – четверть шага.

Снимаю с пояса монтажный пистолет и скупо запениваю щель жидкой бронекерамикой. Водопад иссякает, осталось лишь насухо вытереть помещение.

Кошусь на бойкую живность, настойчиво терзающую ботинки БКС. Чуть виновато пожимаю плечами:

– Ну, простите, членистоногие. Надо было быстрее эволюционировать…

Чиркаю по бедру активатором пиропатрона, бросаю засверкавшую горящим термитом шашку в самое глубокое место озера. Форс пламени – температурой выше трех тысяч градусов быстро перегонит воду в газообразное состояние. Дальше, пар уловят эффекторы системы регенерации и разложат его на драгоценные: кислород и водород.

Имплант подает на глазной нерв россыпь красочных логов. В основном это подарки от «Миелафона», подсуживающего мне – где только возможно. Мотив ИскИна был понятен и полностью совпадал с моим вектором интереса. Первичная цель – стать полноправным капитаном «Марата»!

Ведь кто я сейчас? Жалкий «И.О.» – исполняющий обязанности! Не имеющий реальной власти, придавленный пунктами устава, строгими инструкциями и грозными директивами.

Гостевой доступ в системе, функции наблюдателя на старших палубах, стоп-коды на блоках навигации, вооружения, связи… Смотри – но руками не трогай. Стажер, блин…

Два инвалида – гибнущий ИскИн и псевдокапитан. Объединенные общей тайной и общей целью. Играющие крапленой колодой против целой системы. Вдвоем против бюрократического легиона…

Как оказалось, командовать тяжелым крейсером может только старший офицер. От прим-майора и выше. Моих комет старлея было явно недостаточно для доступа к капитанской рубке и активации первичных алгоритмов подчинения ИскИна. Корабельный разум жаждал заполучить полноценного капитана и вернуть крейсер в строй, но взломать собственные аппаратные ограничения он не мог. Приходилось играть по правилам. Ну почти…

Знать об этом никому не стоит, а работать над исправлением ситуации очень даже нужно. Вот и крался я в одиночку по темным недрам корабля, набивая опыт, нарабатывая часы практики и закрывая миниквесты, на лету генерируемые «Миелафоном».

Стрельба главным калибром крейсера сработала как выхлопы маневровых движков и слегка сдвинула корабль со смертельной орбиты. Бонусного времени нам перепало не много – меньше трех тысяч витков. Это пара месяцев на все про все. Угу, именно так. Два месяца на рост от старшего лейтенанта до майора, на зачистку трюмов и ремонт, слаживание подразделения и обучение экипажа, обеспечение ближней сферы обороны и объединение под своим руководством разрозненных групп землян.

А ведь тому же Мурому звезды старлея уже явно жмут погоны. До капитана ему рукой подать, гораздо ближе, чем мне. Причем не только ему одному – командиры остальных боевых групп стремительно обходят меня в рейтингах. Парни постоянно в бою и жадно гребут очки опыта на Личную карту. И амбиций у них хватает – не раз ловил на себе задумчивые взгляды.

«А не ослаб ли наш командир на штабной работе? Что-то плечи у него поуже моих, звание пожиже и боевые навыки под большим сомнением. А почему тогда у него лучшая экипировка, отдельная каюта и яркая баба, при виде которой так обильно текут слюни? Вот с какого перепуга? А не пришла ли пора проверить капитана на излом и прочность?»

Отголоски таких мыслей все чаще доносило мое обострившееся пси-чутье. Да и Лина поглядывала вопросительно – видит ли вожак опасность, не нужна ли поддержка? Однажды определившись с выбором, она больше не испытывала сомнений и была готова на любую роль – стоять за спиной и подавать патроны, поддерживать ласковым словом, либо рвать кадыки за кривые взгляды.

Моя отрада, судьбой избранная половина…

Находясь рядом с ней, я на мгновение расслаблял туго сжатую пружину воли и прижимал девушку к себе. Хочу ее, таю от нее, умру ради нее…

Всплеск нежности, едва слышное касание в пси-диапазоне:

– Умрешь за меня?

Покачав головой, я неизменно уточнял:

– Убью за тебя…

Девушка удовлетворенно кивала, вновь опускала голову на мое плечо. Как кошка копошилась пару секунд – устраиваясь поудобней, затем вновь замирала, отрешаясь от мира и погружаясь в волны моей нежности. Лина…

К следующему перекрестку я подходил настороженно и с некой долей… м-ммм… почтения… «Мошка» исправно гнала информацию, и я уже представлял, что меня ждет.

Когда-то здесь разыгрался один из финальных актов трагедии под лаконичным названием – «абордаж».

Пробравшись к центру пересечения коридоров, я огляделся по сторонам и, не сдержав эмоций, вполголоса выдохнул: «Охренеть!»

Свет фонаря искажал пространство тенями, порождая эффект движения и давя на измочаленные нервы. Плюнув на экономию, я извлек из крепежа баллончик с люминесцентным аэрозолем и в четыре «пшика» нанес по углам яркие световые пятна мощностью в полсотни ватт каждое. Вот теперь другое дело!

Больше не шарахаясь от остовов битой техники, вновь закрутил головой.

Стены и потолок густо исполосованы плазмой и лазерами. Кое-где искрит проводка, показывая кукиш статистике и упрямо намекая – жгуты высокотемпературных потоков вполне способны дважды, а то и трижды, попадать в одну и ту же точку, насквозь прожигая регламентное бронирование узловых сегментов внутренних коммуникаций.

Противник прорывался со стороны внешней обшивки. Нападали техносы Роя. Битые дроны техноразумных лежали настолько плотно, что практически вдвое сужали сечение главного коридора. Легкие абордажники атаковали во всех четырех плоскостях, не заморачиваясь с гравитацией и с одинаковой легкостью мчась хоть по стенам, хоть по потолку.

Об этом говорили стальные шипастые тела, вмятые, вмороженные и вплавленные в соответствующие поверхности.

– Кинетика, фростер, плазма… – понимающе кивнул сам себе и с брезгливостью пнул валяющуюся под ногами тушу.

Еще со времен первого виртпогружения в учебке я испытывал к созданиям Роя стойкую неприязнь.

Мародерить тут нечего. Чуждые нам схемы электроники, непонятная физика энергий и мертвые системы вооружений, активируемые программно на абсолютно недостижимом для людей уровне.

Короче – хлам. Топливо для реактора, барахло, ненужное даже научникам. Уж чего-чего, а трофейных пехотинцев Роя у осколков человечества сейчас на

порядок больше, чем оставшихся в живых ученых.

Еще раз оглядываю поле боя и качаю головой:

– Танковое сражение под Прохоровкой…

Затем поворачиваюсь в сторону позиций защитников «Марата» и поправляю сам себя:

– Нет… Тут скорее подвиг Николая Сиротина…

Как в эти коридоры смог протиснуться тяжелый контрштурмовой «Сварог» – остается только догадываться. Да, клаустрофобией бот не страдал, но вот инстинкт самосохранения – просто обязан был иметь. Это одна из основополагающих граней становления разумного, пусть даже искусственно созданного.

А ведь такой махиной управляет отнюдь не дешевый кристалл черной сборки астероидных заводов «Свободная Африка»! Тут только родные комплектующие производства РИ. В крайнем случае – оригинальный «Возрожденный Китай», и уж точно не «Мэйд ин Конфедерация».

«Сварог», наверняка приписанный к противоабордажной секции крейсера, поступил тактически грамотно. В бое гиганта против москитной мелочи он лишил противника главного преимущества – скорости маневра и заставил атаковать себя исключительно в лоб.

Размягчив плазмой стенки коридора, «Сварог» впрессовал себя в узкий объем, намертво впекаясь в арм-керамику и превращаясь в неподвижную огневую точку. Хорошо бронированную, некисло вооруженную и смертельно опасную…

Я подошел к поверженному дрону и уважительно погладил фиолетовые жвала ближнего боя. Зазубренные, обломанные, покрытые окалиной…

Шквальная плотность огня и силовые щиты не спасли тяжелый бот. Противник явно вошел в клинч и оторвался по полной.

По массивной, скошенной под рациональными углами морде «Сварога» словно прошлись расширенным инструментарием слесарного цеха. Алмазные фрезы, пневматические молоты и обезумевшие отбойные молотки.

Вся внешняя электроника, вооружение, активные блоки – посечены, деформированы и завязаны узлами. Визоры наблюдения не спасли даже прозрачные броневые щитки. «Веки» дрона вырваны с мясом, нежные глазные сенсоры варварски разбиты.

Судя по всему, ослепший и лишенный систем вооружения, дрон погиб не сразу. Противник то ли закончился, то ли сменил приоритетную цель, а вот «Сварог» еще какое-то время трепыхался, пытаясь выбраться из-под завала тел и смертельных тисков узкого коридора.

Стены вокруг – исцарапаны и выщерблены вплоть до несущего каркаса. А чудом уцелевший правый манипулятор стерт до последнего сустава.

Я представил себе, как «Сварог» месяц за месяцем шкрябал керамические панели, и раз за разом терял надежду, натыкаясь на титановые балки силового набора. Мрак…

Ништяков в такой туше – немало. Но вот резать его на лут не поднималась рука. Такие машины нужно поднимать на постаменты и ставить на главных площадях городов, чтобы потомки не теряли память и не обесценивали оплаченную кровью дедов свободу.

Решено!

На секунду замираю по стойке «смирно» и отдаю честь павшему в бою:

– Покойся с миром!

Я только убирал ладонь от несуществующего козырька шлема, как манипулятор «Сварога» едва заметно дрогнул.

Он услышал меня? ИскИн еще жив, а в реакторе осталось топливо?!

Мой имплант пискнул узкополосным сканером и отрапортовал:

– Батареи дрона пусты на четыре девятки. Техника опасности не представляет. Рекомендуется деактивация с последующей утилизацией. Бонус за выполнение задания: зачет практических часов по дисциплинам: «Демилитаризация», «Трофеи поля боя», «Экономика войны». В случае возврата в обитаемую часть космоса возможно получе…

– Утихни! – шикнул я на «Альфу», завороженно глядя, как осыпается окалина с изуродованной башни «Сварога».

Пластины брони натужными рывками разошлись в стороны, оголяя один из сервисных лючков дрона. Крышка распахнулась, за ней обнаружился сенсорный экран обратной связи, тест-разъемы службы тех-обеспечения и горловина армированного цилиндра сейфа.

Монитор мигнул и активировался на трех процентах яркости.

«Альфа» без проблем вытянула изображение до читаемого:

– ПОМОГИ, ЧЕЛОВЕК!

С шипением провернулись запоры сейфа, открывая доступ к сердцу машины – кристаллу ИскИна.

Еще один томившийся в ловушке разум потянулся за спасением к своим создателям…

«Принять!» – выдал ситуативную рекомендацию «Альфа», мотивируя меня ссылками на уставы и кейсы прецедентного права РИ.

– Утихни! – вновь выдал я волшебную команду, смахивая на периферию зрения бюрократические формуляры.

Осторожно протянув руку, коснулся пальцами искусственного бриллианта размером с куриное яйцо. Реально похоже на человеческий мозг…

До предела напряг «пси»:

– Ты будешь жить!

– ЖИТЬ!.. – то ли эхом, то ли чужой мольбой прозвучало в моей голове.

Я замер, настороженно прислушиваясь, но фон ближнего астрала вновь звенел пустотой.

Как всегда, в моменты медитативной подстройки, до меня долетели обрывки эмоций Лины. Недовольство, брезгливость, едва сдерживаемая ярость и совсем уж на пределе, словно через ретранслятор, – чужая боль и недоумение. Знакомый коктейль… Снова к моей половине кто-то попытался подкатить свои яйца…

Скрипнув от злости зубами, я с трудом взял себя в руки. Ну что ж, вот еще кто-то сорвал с себя маску боевого товарища. Когда друзья у тебя за спиной подкатывают к твоей же девушке, то имя у них одно – гниды. Следует выводить таких из ближнего круга и больше не поворачиваться к ним спиной. Ну а по возможности – учить, сквозь боль и слезы, что женщина друга – пола не имеет.

Ладно… Вернусь из рейда в расположение отряда – разберусь, у кого там борзометр заклинило. Я все понимаю – взявшему на себя ношу лидерства не стоит надеяться на любовь подчиненных. И нет стратегии хуже, чем пытаться быть для всех хорошим и заигрывать с электоратом. Да, я не ждал аплодисментов, но и откровенной гнили надеялся избежать. Крысы, блин… Удавлю!

Имплант несмело пищит, предупреждая о готовности ввести в кровь успокоительное. Вновь шикаю на симбионта, запрещая играться с химией. Обойдусь без фармкостылей!

Медленно выдыхаю, беру себя в руки.

Оклемавшись, но затаившись, уже более деловито осматриваюсь по сторонам. Да, работы вокруг – непочатый край! И не ной, «Миелафон», твоей тут тоски еще не хватает!

Вначале предусмотрительно подстраховываюсь – опыт, он сын ошибок трудных. Лишней татуировки на виске мне не нужно.

Снимаю с наспинного крепежа дорогущий тубус автоматической турели, фиксирую ее захваты на стене дальнего коридора. Самое опасное направление условно прикрыто.

Для надежности добавляю тройку датчиков наблюдения и пару минных сюрпризов. Хорошо быть командиром и иметь приоритетный доступ к складам соединения! И манал я ваше «нечестно!». Мне прокачиваться надо, причем быстро и в сольном ре-жиме.

Ибо раскорячила жизнь молодого волчонка – мама не горюй! Проблем и врагов – не хватит восьми битов, чтобы описать. При том, что друзей и ближников – хрен да ни хрена…

А не будет у нас явного лидера – развалится соединение на отдельные группировки и микрокняжества. Будем грызться за метры палуб и радостно резать друг друга. Пока не сгорим в атмосфере Нового Севастополя.

Нет уж братцы! Меня такой сценарий не устраивает. Я ведь только жить начинаю, на ноги встал, к девушке прикоснулся! И раз уж мы с вами в одной лодке – грести будете туда, где я вижу спасенье. А не каждый в свою сторону…

Так, периметр обезопасил, теперь за работу!

Вновь лезу в ранец БКС. Извлекаю наружу крохотный инженерный серв «Мультитул-Блэк-Спайдер» и осторожно подсаживаю паучка на искалеченные линии коммуникаций. Да знаю я, что использовать «Черную Вдову» для рутинных технических работ, это все равно, что снайперским прицелом колоть орехи! Но нет у меня тривиальных «тараканов»! Передохли они все давно. Ресурс у них – копеечный, время жизни – как у зубочистки…

Паук провел селфтест, законнектился с «Альфой», принял целеуказание и, довольно пискнув, скрылся в проломе потолка. Уже через несколько секунд он оседлал ближайший перебитый кабель и, шустро перебирая лапками, принялся сращивать оптоволоконную проводку.

Давай, малый, не подведи меня! Я же займусь более грубыми задачами – сваркой труб, задумчивым ковырянием в энергощитках и прочей интеллектуальной работой на уровне замены горелых предохранителей. Ну а что поделать? Такова часть сделки с корабельным ИскИном…

Через шесть часов монотонного труда я устало разогнул спину. Хлебнув из поилки БКС питательного раствора, сфокусировал зрение на внутреннем интерфейсе. Хм, а ведь неплохо!

Стопочка глиф-репортов радовала толщиной. Учетка пополнилась новыми записями о выполнении практических работ, а полоса опыта неприлично подросла. Вот и славно!

«Миелафон» также излучал довольство. Рейтинг боеготовности корабля подскочил на двенадцать сотых процента! А ведь нехило! Кто бы мог подумать, что один техник, пусть даже с умной отверткой в руках, способен за авральную смену ТАК подтянуть уровень БГ крейсера! Видать, угадали с точкой приложения сил – через перекресток проходил мощный узел внутренних коммуникаций корабля. Энерговоды, оптоволокно, кабельные и трубные гребенки, узкие туннели сервисных дронов.

На секунду я зажмурился, позволяя себе приоткрыть завесу над самыми дальними и туманными мечтами.

Вот реанимирую судно, набью полные трюмы техногенными артефактами нескольких рас, да рвану к матушке-Земле!

А там зависну над непотопляемым авианосцем североамериканского континента и спрошу так строго: «Вот какого хрена? Почему пылают границы моей Родины? Зачем планете ваши ценности? По какому праву разваливаете колыбель человечества? Вот как разверну сейчас крейсер дюзами вниз и врублю главный двигатель!»

И пусть только рыпнутся! ПВО корабля вполне способно прикрыть одну шестую часть суши.

В общем: «Хорош всем воевать, голодать и потреблять! Айда творить и созидать! Хотите – приволоку вам из пояса Кеплера платиновый астероид? Или

что там еще нашей промышленности нужно?»

Криво улыбнулся собственным утопическим мыслям. Ага, прилетит один такой – за все хорошее против всего плохого. И сильные мира сего сразу же поднимут лапки кверху, пряча под сукно планы мирового господства и склоняя седые головы перед наивным пацаном, отыскавшим большую дубину. Ну-ну…

Пятиминутку розовых соплей прервал резкий алерт системы наблюдения и почти синхронное тявканье автоматической турели.

Кубарем валюсь с туши дохлого дрона, совершая одновременно десяток действий. Активация щитов, приказ на возврат «Мультитула», вывод БКС в боевой режим, считывание логов с тревожных датчиков, сдавленное чертыханье и подхлестывание организма боевым коктейлем.

А ведь плохи мои дела!

И если поначалу я рванулся к турели – поддержать огнем и с интересом поковыряться в ошметках неудачливого визитера, то сейчас пришлось спешно отступать в строго противоположном направлении.

Автоматическая скорострелка даст мне несколько секунд форы, не больше. Повредить штурмбот класса «Мастифф» она просто не в состоянии. Чертовы техносы! Неужели одна из валяющихся вокруг туш все еще мониторит окружающее пространство и исправно стучит уцелевшим товарищам?!

Уйти в родной коридор мне не дали. Сидевшая на пути отхода «мошка» успела передать образ второго «Мастиффа» с уверенностью танка, прущего по тепловой цепочке моих следов. Через секунду канал связи задавила система активных помех и передача прервалась.

Замираю, затравленно озираясь. Противник оставил мне единственный выход, и это очень не нравится моей интуиции. Обложили флажками и гонят на номера? Да ну вас лесом! Прыгай, волчонок, рви шаблоны!

Игнорируя свободный проход, я быстро сверяюсь с картой и отбегаю на десяток шагов в сторону – где-то здесь должен быть люк кабельного колодца! Срываю

пласты мха, сканер БКС шарит по палубе. Ну, где же он?!

Штурмботы Роя все ближе. Легкий пехотинец против даже одной такой твари – никак не танцует. Тут нужно отделение тяжей в штатной экипировке РИ Флота. «Мастифф» примерно эквивалентен среднему имперскому боту – это две тоны композитной брони, активные и пассивные щиты, центнер хитрой электроники и мощность залпа как у реактивной установки моего времени. Вы слыхали, как поет дивизион «Града»? Шок и трепет!

Даря мне секунды, с наплечных креплений срывается пара умных ПТУРов, больше похожих на дронов-камикадзе. Подсветив пространство выхлопом мини-турбин, они разделяются и ныряют каждая в свой коридор.

– Бум! Бум!

Последний довод королей. Причем реально последний – на складе таких больше нет. Не убьют меня «Мастиффы» – придушит наш завхоз Сан-Саныч…

Невеселые мысли прерывает писк импланта. «Альфа-Прим» подсвечивает на палубе контур найденного люка.

Торопливо вгоняю нож в щель, пытаюсь приподнять крышку. А хрен там! Сталь люка отнюдь не декоративная, к тому же укатана временем и активным движением на перекрестке.

Понимаю, что не успеваю…

«Альфа» визжит алертами, рапортуя о захвате моей тушки системами сканирования и целеуказания «Мастиффов». На периферии сознания бьется зов Лины: «Пашка, где ты?! Нужна помощь?! Я поднимаю наших!»

Хриплю от натуги, рву искусственные мышечные волокна скафа, наваливаюсь всем весом на стонущий от нагрузки клинок.

Не успеваю…

– Жух! Жух! – Над головой проносятся толстые жгуты плазмы и разбиваются о щиты вырвавшихся из узости коридоров штурмботов.

Нарвавшиеся на столь серьезный калибр «Мастиффы» мгновенно укутываются пленками силовых полей и открывают ответный огонь.

На мини-карте на секунду загорается зеленая союзная точка – «Сварог»! Загорается и гаснет…

Вряд ли тяжа подавили столь быстро. Скорее всего он просто выжал батареи досуха и уже навсегда превратился в памятник самому себе.

– Спасибо… – шепчу я сразу всем.

«Сварогу», богам, «Альфе»… Ибо люк наконец поддается, крышка отлетает в сторону, а я, не раздумывая, ныряю вниз!

Лечу, затем скольжу по пугающе крутому уклону, стараясь не рвать лишних кабелей и заодно вновь взывая к высшим силам – только бы следом за мной не метнули гранату!

Бьюсь о стены, словно кирпич в мусоропроводе. Грохот – соответствующий. Реагировать на препятствия не успеваю – команду на сокращение мышц и группировку конечностей БКС подает имплант.

Выверенная симфония токовых разрядов изгибает меня в судороге и заставляет принять позу парашютиста. Сжавшиеся пальцы вдавливают гашетку оружейного комплекса. Длинная очередь бронебойных боллов перфорирует стремительно приближающийся пол, и уже через мгновение я врубаюсь в него всей массой.

– Крак!!!

Пробиваю препятствие и в окружении кучи хлама влетаю на нижнюю палубу. Пару секунд оглушенно хлопаю глазами и беззвучно открываю рот – компрессионный удар по позвоночнику оказался слишком силен. Затем в игру вступает аптечка скафа, ширяя бойца очередной дозой дури.

– Мля… Сдохну или сторчусь! – шепчу я сам себе, сглатывая наполнившую рот кровь.

Встаю, опираясь рукой на колено. Под перчаткой едва ощутимо вибрирует броня БКС – скаф стряхивает с себя пыль.

Оглядываюсь и реально обалдеваю от увиденного. Гадом буду – земляки! Ну кто еще способен нацарапать на стене жизнеутверждающее слово из трех букв?

С умилением гляжу на подкрадывающегося ко мне мужика с расплющенной арматуриной в руках. Включаю внешний динамик и скромно представляюсь:

– Спокойно, дядя. Я Павел Счастливчик, командир сводного соединения «13-7», капитан «Марата» и прочая, и прочая…

Глава 4

Мужик оказался местным вождем. Не командиром, а именно вождем – со стальными яйцами и диктаторскими правами без временного ограничения. Римское право отдыхает, там диктата выбирали исключительно в критические моменты истории и всего на шесть месяцев. Потом снимали или как минимум – пытались снять…

Скудная среда обитания не позволила импланту трансформировать тело по стандартной программе. Скорее, наоборот – под виртуальный нож пошло все условно лишнее: волосы, жировые ткани, аппендикс, мимические мышцы…

Вместо привычного качка-переростка я увидел перед собой продукт максимальной рациональности и жесткой экономии. Каждая калория под учетом, каждому витамину свое место, а на минералы – отдельная номерная очередь!

Вожак – жилистый и сухощавый, жировая прослойка – ниже критической нормы. Мышечный каркас – невелик, но каждое волокно – прочнее кевлара.

Не знаю, какой из него выйдет пилот штурмовика, но вот диверсант и киллер получится великолепный. Особенно – учитывая профдеформацию тоталитарного лидера.

Моторика выживших бойцов 49-го авиакрыла завораживала. Скупость и плавность движений, четыре вдоха и тридцать ударов сердца в минуту, замороженная мимика. Все во имя выживания.

Невероятно! Разве можно ТАК эволюционировать всего за три года?!

Впрочем, учитывая наличие импланта и татуировки сотен смертей на лицах пилотов… Именно у штурмовиков я впервые увидел синюшные треугольники и зловещие кубы на висках. Двадцать пять и пятьдесят смертей соответственно.

Каждая гибель из-за неприспособленности к условиям окружающей среды – словно проигравшее битву поколение. А за сотню поколений вполне можно выработать новые видовые признаки. В особенности – таская в позвоночном столбе персонального паразита, способного филигранно играться с цепочками ДНК.

Дрожь берет! В небольшом зале – полсотни человек. Смотрят, давят взглядами. Глаза сверкают неверием и одновременно – надеждой. Но даже женщины не могут позволить себе слез. Потеря драгоценной влаги!

Стена людей неподвижна, никто не мнется на месте, не жестикулирует. Абсолютная тишина в отсеке и лишь только в астрале – бурление чувств и шквал немых вопросов. Ощущаю себя нервно подергивающимся живчиком в театре восковых фигур.

А ведь есть у ребят потенциал, есть! И в свете последних событий упускать их никак нельзя! Мой разум стремительно просчитывает варианты, прикладывая новый стратегический элемент к картинке текущего ситуативного расклада на «Марате».

Отдельное подразделение в рамках соединения? Двойная вербовка? Личная гвардия капитана? Отряд «Тени»? Перспективно, ой как перспективно!

Разряжая обстановку и укрепляя знакомство, указываю на несчастного зарядного дрона, придавленного в дальнем углу стандартными цинками для крупнокалиберной кинетики. Имплант уже давно засек ящики бесценного БК и вовсю сигнализировал, требуя скорейшей инвентаризации.

– Пошто животинку тираните?

Кил скупо, и явно насилуя мимику, обозначил улыбку. Ответил коротко и негромко:

– Добыча.

Я бросил недоверчивый взгляд на палки-копалки местных робинзонов. «Заряжающий-Мк.7», вообще-то, предназначен для действий на поле боя, и защищен соответственно. Четыре миллиметра композита условно равны тридцати «мэмэ» броневой стали. Как продолбить арматуриной трехсантиметровую скорлупу сопротивляющейся обезумевшей хлеборезки – я не представлял.

Кил оценил мой скепсис и угрюмо дернул щекой.

– Справились бы. Не впервой. – Затем помолчал секунду и неожиданно добавил: – После того как грохочет за северной стеной – всегда приходят эти…

Я мысленно прикинул наше текущее местоположение на «Марате» и удовлетворенно кивнул.

– Седьмой сектор ПКО. Вы совсем рядом с внешней обшивкой. Скорострелки разнесли какой-то мусор, пересекающий орбиту корабля, а затем дрон метнулся на склад для пополнения БК.

Наращивая уровень доверия, я вытащил из набедренной кобуры тяжелый офицерский «ТТ-плазма».

– Держи, добей несчастного. Все равно он чумной. Вон, таскает на брюхе цисту аппаратного терминатора. Хорошо хоть бегал по стандартному маршруту, не разнося гадость по сектору.

Кил недоверчиво, словно опасаясь розыгрыша, потянулся за стволом. Взяв пистолет, он с тоской и наслаждением взвесил его в руке, благоговейно касаясь матового воронения. Затем вчитался в маркировку и с сожалением покачал головой:

– Плазма. Нельзя стрелять, жжет кислород. Пойми, даже твое дыхание будет оплачено чьей-то смертью. Замкнутая экосистема, баланс ломает любая пиковая активность – от драки до секса вне очереди…

Сделав над собой титаническое усилие, он протянул оружие назад.

А я замер, только сейчас осознавая, в КАКИХ условиях живут эти люди. Гвозди бы из них делать… Сталь и воля!

Сжав губы, покачал головой:

– Оставь себе, это подарок. Держи вот еще… – Отстегнув с набедренного крепления жесткую кобуру, в кармашке которой уютно устроился запасной магазин, я вручил ее ошарашенному старшине и вновь полез в ранец.

Рука шарила среди ништяков, а в моей душе волчонок игрался с некстати проснувшейся жабой. Шикнув на обоих, извлек из бокса НЗ стандартный кислородный патрон. Даже для нас он не был копеечной безделушкой. За годы автономки «Марата» «ка-патроны» выжгли практически все, индекс среды обитания вещь суровая и слабопереносимая…

Вдавливаю активатор, выкручиваю на максимум бегунок мощности. Живительная струя кислорода вырывается из верхнего сопла. Со стороны рукояти так же ощутимо тянет сквозняком – прибор принялся поглощать излишки углекислого газа из атмосферы отсека.

– Вот! И никому не придется умирать! – Я радостно улыбнулся и победно посмотрел на аборигенов.

Что за?!

Парни и девушки быстро мутнели взглядами, их дыхание резко участилось, мышцы начали хаотично подергиваться под пергаментной кожей.

Хлоп! Один из бойцов свалился на вылизанную до блеска палубу. Ах! И рядом беззвучно осела скрученная судорогой девушка.

Сжавший ладонями виски Кил зло прохрипел:

– Выруби! Выруби ее нах!

Спешно деактивирую шашку и вчитываюсь в скупые строчки дистанционного диагноста импланта, пометившего статусами упавшие тела:

– Гипероксия. Кислородное отравление. Динамика: при продолжительной экспозиции – слепота, тяжелая рвота, смерть.

Черт! Накормил, блин, голодающих! Перемрут ведь все!

Оглядываюсь с виноватым видом:

– Сорри, братцы! Хотел как лучше… Не встречал я еще такой расклад.

Кил сделал пару шагов назад, помотал головой, несколько раз сжал в кулаки онемевшие кисти рук:

– Норм, проехали. Найди мы такую цацу раньше – может, и сами бы купились. Ты вот что – если реально не жалко, то включай ее на минимум и кидай в дальний угол. Будем поднимать индекс медленно, на процент в час, не больше. На сколько ее хватит в таком режиме?

Я прикинул объем патрона и выходные данные реагента. Получилось порядка шести тысяч литров кислорода.

– Чуть меньше чем на сутки. Не панацея конечно, но все же…

Кил благодарно кивнул:

– Спасибо. Нам все в дугу. Увеличение ИО даст всплеск роста бурого мха, а это допкалории плюс – все тот же воздух для дыхания. Бурый – он самое то! На вкус, конечно, пенопласт, но выхлоп дыхательной смеси у него – максимальный!

Старшина махнул рукой в сторону аккуратных клумб, огороженных пушечными лентами двадцатого калибра. Считавший маркировку имплант взвыл – драгоценные черноголовые боеприпасы – усиленный патрон с маневровым псевдодвижком. С таким БК зенитка способна всадить очередь из всех четырех стволов в подброшенную в воздух монетку. Причем на расстоянии в пару километров…

Покачав головой, присаживаюсь к упавшей девушке и прикладываю к исцарапанному бедру коробочку автодока. Успокаивающе шепчу:

– Теперь все будет по-другому. Продержитесь еще чуть-чуть.

Аптечка задумчиво попискивает, вгоняя в плоть иглу за иглой. На экране мелькают названия препаратов. Витамины, стимуляторы, базовые наниты, укрепляющие коктейли и вязкая смесь из редкоземельных элементов – столь необходимая для корректной работы импланта. Мертвенную бледность сменяет румянец, дыхание пациентки становится глубоким.

Мне на сетчатку глаза падает лог о проведенных процедурах, плюс – вводящая в ступор рекомендация:

– Внимание! Для корректного контроля над ходом беременности требуется помещение в стационар.

Пытаясь осознать происходящее, я недоверчиво кошусь на плоский живот девушки, на котором отчетливо видны верхние кубики пресса, а затем перевожу взгляд на Кила:

– Не понял… Она что, реально беременна?!

Старшина устало машет рукой и усаживается рядом со мной, прямиком на палубу. Действие для вожака не по статусу, однако хорошо замотивировано – Кил принялся неторопливо подгонять ременное крепление кобуры.

Человека обмануть несложно, а вот псиона – гораздо труднее. Мужик устал. Устал смертельно – до черной депрессии, тихого суицида или срыва в психушный оверкилл.

Три года борьбы за жизнь, три года вне зоны комфорта, три года с тяжелейшим грузом ответственности за жизни доверившихся тебе людей…

С характерным щелчком загнав пистолет в кобуру, Кил пробежался глазами по личному составу, привычно контролируя всех и каждого. Затем чуть расслабился и ссутулился, позволяя себе отклонить прямую спину на несколько миллиметров от нормали. Повернулся ко мне и негромко заговорил:

– Понимаешь… Месяца четыре назад кто-то из девчат докопался до скрытых настроек импланта. Ничего секретного или хакнутого, просто – глубоко закопано. Дефолтные армейские установки раздела «принудительная контрацепция» мало кого устроили. Тем более что беременным полагается внеочередной отпуск, повышение рейтинга, материнский капитал и прочие ништяки от десятка социальных и государственных структур…

Я потряс головой и покрутил пальцем в воздухе, пытаясь указать сразу на все детали постапокалиптического быта.

– Э-э… Какие к черту госструктуры?

Кил обреченно отмахнулся:

– Угу, вот ты им пойди и объясни… Вбили блажь себе в голову и в одну ночь массово нарушили правила внутреннего режима. Кислороду сожгли – уйма! К утру половина подразделения отправилась на воскрешение. Виновных я наказал, но чего уж теперь… Кто-то реально надеялся сбежать из вирта, а кто-то вновь хотел стать матерью. Не забывай – у большинства наших девчонок на Земле остались дети, братья, сестры… В общем, через полгода в этом стальном гробу появится еще два десятка сисечников. Ты, кстати, не в курсе – где тут ближайшая молочная кухня? А памперсы почем? Нет? Вот и я не знаю…

Все еще сомневаясь, я вновь тянусь к мирно уснувшей девушке и осторожно кладу руку на ее теплый живот.

Прислушиваюсь к астралу: физика тела спящей излучает на уровне экстаза – незапланированный отдых, невероятный всплеск живительных элементов в крови и подстегнутая бустерами регенерация.

Психика также светится гиперкомфортом: девушку переполняет непривычное ощущение покоя и защищенности.

А вот глубже, на втором слое сознания – действительно сверкает крохотная звездочка набирающей силу жизни.

Мои брови восхищенно взлетели вверх, но практически сразу же на меня обрушилась всепоглощающая волна беспокойства и ревности. Шарахнувшись от неожиданности в сторону, я морщусь и поворачиваюсь к источнику эмоциональной бури в астрале.

Поймав ревнивый взгляд уже немолодого мужчины, нервно тискающего стальное копьецо, сделанное из обломанного манипулятора серва, я примирительно поднял руки вверх: «Нихт шисен, ай эм э доктор». Казанова, блин, престарелый…

Затем, чуть успокоившись, добавляю:

– Радуйся, дочка у тебя будет. Здоровенькая и с приличным уровнем «пси». Хрен теперь гульнешь от мамки – вмиг вскроет…

Поверил ли мне ревнивец – не знаю, но лицо приобрел задумчивое. А вот остальные девчата доверились вмиг! Секунда, и вокруг моего бренного тела сомкнулась жаждущая медицинского диагноза толпа. Надо признать – что очень милая, стройная и легкомысленно одетая толпа…

То, что меня не раздавили, – заслуга исключительно жесткой скорлупы БКС.

Ошарашенный непривычным хаосом, но не потерявший жесткой хватки, Кил быстро навел порядок. Девчата получили номерки виртуальной очереди и

мгновенно рассосались по местам несения службы. Война войной, а за мхом ухаживать надо…

Следующие полчаса я непрерывно щупал плоские животики, ловил контакты со сдвоенной аурой и натужно отделял зерна от плевел.

Мое состояние мгновенно уловила Лина. Километровая дистанция и сотни бронелистов внутренних переборок не помешали девушке почувствовать неладное и подозрительно зашипеть в пси-диапазоне: «Ты чем там занят, кобель драный?! Почему от тебя фонит гаремником? Порножурнал нашел? Мало мне наших спермотоксикозных…»

Я устало огрызнулся: «Баб щупаю! Потом, Лина! Ситуация «Девятка-соло!»

Моя половина раздраженно фыркнула, но затихла. Код: «Девятка» обозначал обнаружение лояльно настроенной группы землян. Приставка «соло» – личный контакт и мое желание работать по теме в одиночку, без оповещения широких масс. Жизнь – штука сложная, понимать друг друга надо с полуслова.

Однако, подтверждая слоган: «Абсолютное доверие – это полный контроль», на консоль импланта пришел запрос о предоставлении гостевого доступа к внешним камерам БКС.

Блин, Лина!

Матюкнувшись вполголоса, отбиваю отказ – ибо нефиг. Раз дам слабину – и буду потом ежедневно сливать логи скафа и отчитываться за каждое применение купола «Тишины». Нет уж! Такое нужно пресекать мгновенно, четко обозначая грани, за которые не стоит переходить.

Лина обиделась, и демонстративно отрезала канал пси-связи. А вот это уже непорядок! Девичьи обидки – это святое, но на службу забивать не следует. Лишать напарника подстраховки?! А если меня тут накроют ЭМИ-импульсом, убив электронику и шокировав имплант? Мне что, вызывать кавалерию хриплым голосом?

Я глухо рычу, не сдерживая нарастающее раздражение. Наоборот, раскачиваю себя эмоционально, наполняя разум яростью. Быстро проскакиваю пиковый порог, после которого гнев начинает работать множителем «пси». Вишенкой на торте служит ментальный бустер, вколотый в вену на бедре.

Лина сильна – ведьмачья кровь! Без химии, с одной только пеленой ярости, ее щит не продавить.

Замираю на минуту, ожидая, пока ядовитый коктейль полностью усвоится организмом. Волны раздражения захлестывают разум, смывая логическую составляющую и вскипая пеной эмоций.

Начинаю понимать женщин в период ПМС. Меня бесит все! Не так смотрят и слишком громко моргают окружающие, насмешливо вьется по стенам мох, издевательски пищит придавленный цинками дрон.

Теряя контроль, рявкаю на Кила:

– Да добей ты уже его!

– Шу-у-х! – Струя плазмы режет пространство, впиваясь в брюхо стальной сколопендры.

Кил непонимающе смотрит на предавшую его руку, крепко сжимающую пистолет.

Легкое чувство вины робко машет ладошкой из глубин моей души. Есть что-то неправильное в том, чтобы придавливать чужую волю силой своего «пси».

Однако уже чрез мгновение я замечаю, как имплант помечает старшину новым маркером, и удовлетворенно расплываюсь в улыбке. Козыряю, бросая ладонь к козырьку шлема:

– Поздравляю с первым офицерским званием, лейтенант Кил! Многих тебе комет на погонах!

Взгляд новоиспеченного лейта плывет, он спешно подымает логи своего симбионта. Затем и на его лице появляется намек на улыбку. Непроизвольно вытягивается в струнку, отдавая честь на псевдоевропейский манер – двумя пальцами:

– Служу Пятому Риму!

Хмурюсь:

– А вот об этом мы поговорим немного позже…

Обострившимися чувствами цепляю в окружающем пространстве шлейфы зависти и жгучей ненависти. Фиксирую источники – пара худых работников, монотонно размешивающих в пластиковой крышке капсулы какую-то жижу. Плюс – неплохо развитый старший сержант, явно один из ближников диктатора.

Хм, скрытые хейтеры? Снимаю скриншоты, отправляю картинки в базу данных. Будет чем порадовать Кила – врага надо знать в лицо.

Поворачиваюсь к лейтенанту. Судя по отсутствующему виду, он сейчас увлеченно ковыряется в открывшихся ему настройках офицерского интерфейса. Это ты зря, братишка! Имей привычку неожиданно подымать голову и ловить чужие взгляды. Тебя ждут большие откровения…

– Лейт! Присмотри за своими людьми, я отвлекусь на минуту…

Кил лишь отмахивается, мыча что-то успокаивающее и указывая ладонью на своих гвардейцев. А ведь именно среди них упрятался один из «доброжелателей»…

Качаю головой – и как старшину при таком раскладе ночью не удавили? Минутная слабость? Головокружение от успехов? Надеюсь…

Вывожу БКС в режим максимальной паранойи и ныряю в пучину астрала. Ну, Лина, погоди!

С легкостью проношусь разумом сквозь броню переборок, краем сознания фиксируя скопления пятен аур разумных. От мгновенного озарения и осознания собственной тупости чуть было не вываливаюсь в реал. Идиот! Ведь вот он, идеальный способ отыскать собратьев по несчастью! И не нужно больше вслепую лазить по ржавым недрам, платя болью и кровью за доступ в бесполезные отсеки!

Заметку в ежедневник, с максимальным приоритетом!

Вновь ломлюсь сквозь слой альтернативного пространства.

Словно по свету маяка, безошибочно нахожу Лину и со всей пролетарской злостью врубаюсь в поставленный девушкой щит. Фиолетовые пятна обиды укрепили ментальную конструкцию, но эффект нежданчика он такой… Словно резкий хук в подбородок – способен срубить любого качка.

Сметаю защиту и грубо вламываюсь в сознание девушки. Ору во всю виртуальную глотку – до резонанса позвоночного столба и потенциального риска мокрых штанов:

– Лейтенант Лина! Встать! Смирно! Была команда держать связь!

Окружающее пространство вибрирует звуковыми волнами – грохот падающего стола, перезвон разбегающейся по углам стальной мелочовки.

– Я! Есть! Виновата! Тьфу! Пашка, гад!!!

– Бум! – Мощным пинком меня вышвырнуло из чужого сознания.

Кувыркаясь по хаотичной траектории, моя виртуальная оболочка вновь летит сквозь астрал, стремясь соединиться с физическим телом. Знатно бортанули!

Неожиданно влипаю в нечто вязкое, пытающееся затормозить, спутать и пленить хрупкий разум. Ощущение от леденящей хватки настолько пугающее, что волна первозданного ужаса мгновенно накрывает астральное тело. Я чувствую себя ныряльщиком, который на остатках кислорода всплывал из черной бездны и вдруг почувствовал, как его схватили за ноги и рывком

поволокли назад, в глубину…

Душа оказалась не совсем беззащитной. Моя аура полыхала, жаля тьму протуберанцами и наполняя звенящую пустоту раздраженным шипением неведомой твари.

Астральный хищник тоже не бездействовал. Подвывая от боли и урча от нетерпения, он вырывал куски из моей оболочки и жадно впитывал их всем телом.

– Пашка! – Испуганный крик Лины встряхнул разум и вернул способность действовать.

Накатившая боль и раскачанная до предела ярость придали сил. Свет души полыхнул так ярко, что на мгновение ослепил даже меня. Тварь взвыла, но дикий, ощущаемый даже мной голод не позволил ей отступить.

– Чавк! – аура лишилась очередного куска энергоплоти.

Серебро плюс бирюза, сектор, отвечающий за долговременную память. Пустота и жалкие тени потерянных воспоминаний… Из жизни исчез девятый класс школы, первый поцелуй, долгие прогулки под луной и несмелое: «Я люблю тебя», произнесенное под струями теплого майского дождя…

– Сука! – Я захрипел от ненависти и на одних лишь инстинктах сформировал из ярких протуберанцев виртуальные кулаки.

– Шлеп! Шлеп! Шлеп!

– Жри, тварь! – Мощные плюхи сминали черную тушу как комок теста, спрессовывая вязкую субстанцию во все уменьшающийся объем.

Монстр наконец-то впечатлился, жрать ему явно расхотелось. Он заметался, теряя клочки призрачного тела и пытаясь оторваться от разбушевавшейся добычи.

Ну уж нет!

Я еще быстрее заработал кулаками, подгоняемый целой гаммой ощущений. Где-то сбоку засверкал тонкий щуп – это связывающая нас с Линой пуповина наливалась силой. Мощный бонус ко всем характеристикам и плазменный хлыст в одном лице! Спасибо, милая…

А вот со спины надвигалось что-то огромное и нехорошее, привлеченное нашей шумной возней. Затылок сводило от безразличного змеиного взгляда, в котором чувствовалась лишь тонкая нотка гастрономического интереса.

– Скорей! Уходи оттуда! – Лина хоть и не покидала физической оболочки, но чуйка у нее запредельная.

– Сейчас… Додавлю только…

Я пыхтел как молотобоец, продолжая уминать тварь до все более компактных размеров. Крупная сфера… баскетбольный мяч… яблоко… Мной двигала уже не ненависть – монстр не подавал признаков жизни. Но теперь уже во мне невесть откуда проснулся инстинкт астрального хищника.

Ухватив черное яблоко рукой, я что есть силы сжал кулак, увеличивая плотность вещества до структуры планетарного ядра. Физика сабпространства – она другая…

– Домой!

Повинуясь мысленной команде, астральное тело стремительно рванулось вперед. Вылетевшие из тьмы щупальца опоздали на доли секунды. В спину дохнуло удивлением и легким разочарованием, а затем бесконечной уверенностью в скорой встрече и ее однозначном результате.

Твою же мать! Кто бы мог подумать, что здесь так опасно?! А как же вселенская пустота, место для медитаций и познания великих мудростей?

Километровый рывок занял лишь пару секунд. Потрепанная душа облегченно слилась с телесными оковами и испуганно свернулась калачиком. Тюрьма физического тела столь уютна и безопасна!

– Внимание! Неизвестная угроза! Сбой ритма сердца – активирован кардиоводитель! Остановка дыхания – задан принудительный ритм! Многочисленные источники внутренних кровоизлияний – локализация прорывов в процессе…

Имплант надрывался тревогой, автодок долбил одеревеневшие мышцы серебряными иглами, а в голове шумело от многочисленных голосов: Лина, Миелафон, Кил – все кричали и требовали незамедлительных ответов.

С трудом поднял руку и прохрипел окружающим:

– Спокойно… Я в норме…

На губах вспухли кровавые пузыри, забрало шлема потеряло прозрачность от алых разводов…

«Альфа-Прим» продолжал частить логами:

– Сборка нанитного контура по схеме «117-дельта» – интегрированная станция плазмы крови… Изоляция поврежденных секторов мозговой ткани – старт процедур авральной регенерации…

Плывущим взглядом выцепил основное:

– Прогноз – условно позитивный. Время восстановления организма до 50 % боеготовности – 29 минут, до 90 % – 381 минута. Расход ресурсов: имплант: 0.03 %, масса универсальных нанитов: 11 %, аптечка БКС: 19 %…

Норм… Прорвемся…

Самочувствие – как после мясорубки, но с автодоком сдохнуть сложно. Я поморщился – сердце сбоило, одаряя массой специфических ощущений и взывая к первородному страху смерти.

Понизив режим тревожности БКС, я поднял забрало шлема и огляделся. М-да, напряг я народ…

Стоявший в десятке шагов Кил крепко сжимал в руке подаренный «тэтэшник» и давил меня настороженным взглядом. Пистолет предусмотрительно направлен в пол – не стоит раздражать параноидальный ИскИн боевого скафа.

За спиной дважды щелкнуло, плечи едва заметно вздрогнули от толчков – это БКС упрятал в контейнеры настороженные стволы внешних систем вооружения. Теперь я перестал быть похожим на готового к драке богомола.

– Павел, ты в порядке? – Голос лейта звучал напряженно, а программный анализ моторики его тела выдавал реальную тревогу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/rus_dmitriy/komesk-13-kniga-2-leytenant

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити